Молодой мусульманин в поисках истины

К СВЕТУ

Стивен Масуд

Молодой мусульманин в поисках истины

К СВЕТУ

Стивен Масуд

Originally published in the English as:
Into the Light by S. Masood
from Send the Light, Ltd, United Kingdom.
© Steven Masood, 1986, 1987, 1992, 1994

© 1999 for the Russian edition.
Second edition 2004.
Third edition 2016.
Translated by permission. All rights reserved.

АФГАНИСТАН
СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА ОБЛАСТЬ
Линия перемирия
Кабул
Кайберский перевал
Пешавар
Сринагар
Исламабад
ДЖАММУ И КАШМИР
Равалпинди
ТИБЕТ
Саргодха
Дерасмаилхан
Лахор
Чиниот
Амритсар
Лаялпур
Квотта
Р. Сатледж
Мултан
ПЕНДЖАБ
Бахавалпур
Дели
НЕПАЛ
ПАКИСТАН
БЕЛУДЖИСТАН
Р. Инд
ИРАН
СИНД
ИНДИЯ
Гвадар
Хайдарабад
Устье р. Инд
АРАВИЙСКОЕ МОРЕ
СНГ
КИТАЙ
ИРАН
АФГАН-ИСТАН
ИНДИЯ
АРАВИЙСКИЙ П-ОВ
ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Выражение признательности

С тех пор, как я пришел к познанию Иисуса, чаще всего мне задают один вопрос: «Как и почему вы стали христианином?» Я с радостью рассказываю мою историю, однако я долго не решался записать ее — особенно на английском.

Наконец мои друзья по христианской общине в Абу-Даби Билл Хэмпсон и Брюс и Иветт Альбрехты убедили меня сделать это. Я хотел бы выразить мою благодарность им, а также Роджеру и Колетт Бакли, за их поддержку и молитвы. Я благодарю также Дэна Вудинга и Джеффа Ричардса за то, что они составили связное повествование из моих заметок и магнитофонных записей.

Хочу выразить признательность Ли Тернеру, Алану Ашерсту и особенно Маргарет и Оскару; особые же слова благодарности должны быть обращены ко всем христианам и мусульманам, которые были рядом со мной в нашей борьбе за Него.

Стивен Масуд

1

Сон

Я, заблудившийся, плачущий мальчик, выхожу на перекресток. Я спрашиваю у прохожих, какая дорога ведет к моему дому, но никто из них не может мне ответить. Наконец, я выбираю дорогу наугад и бреду по ней, одинокий и несчастный.

Я очень голоден. Вдруг я вижу прекрасный сад, где ветви деревьев сгибаются под тяжестью плодов. Сад обнесен высокой стеной. Передо мной большие ворота. Они закрыты. Я пытаюсь их открыть, но тщетно.

Я кричу: «Пожалуйста, откройте! Я очень хочу есть. Мне нужно купить немного фруктов. У меня есть деньги! Пожалуйста, откройте мне!» Ворота бесшумно распахиваются передо мной.

В саду играют дети. Я подхожу к ним. Увидев меня, они прекращают игру. Я говорю им: «Я заблудился. Если я приду домой поздно, мои родители побьют меня». Один из детей откусывает кусочек яблока. Увидев это, я снова говорю: «Мне так хочется есть!»

Дети кричат кому-то: «Папа, посмотри, кто пришел!» Повернувшись, я вижу сквозь заросли человека, идущего к нам. Он стар, но видно, что здоров и силен. Внезапно у меня появляется странное чувство, что это мой папа тоже! Мне становится страшно, я собираюсь убежать.

Его голос останавливает меня: «Сын мой! Дитя мое! Я не сержусь на тебя. Ты мой, как и остальные дети».

Его голос не похож на голос моего отца, но я поворачиваюсь к нему... и вот я уже в его объятиях. Дети окружают нас. Они целуют меня, дают мне фрукты из своих корзин и говорят о том, как отец любит их. Я прошу их позволить мне остаться с ними, я не хочу возвращаться в родной дом, где чувствую себя таким нелюбимым.

«Пожалуйста, позвольте мне жить с вами. Я буду ходить с вами в школу, и я верю, что учитель не будет бить меня, как Мухаммед Измаил!»

Отец улыбается мне: «Сынок, я уже попросил Мухаммеда Измаила не бить тебя. Я сказал ему, что он должен заботиться о тебе».

Я цепляюсь за него и прячу лицо в складках его белого одеяния.

«Нет, Отец, я хочу жить здесь, с тобой».

«Сынок, — отвечает он ласково, — ты хороший мальчик, а хорошие дети слушаются своего Отца. Возвращайся в школу, а когда закончишь учиться, я возьму тебя к себе. А теперь пойдем. Я отведу тебя домой».

2

Детство среди ахмадийцев

Я родился во время утренней молитвы. По нашим религиозным традициям это доброе предзнаменование.

Анихадо ун Ла Илаха ималлах
Мухаммадар — Расулуллах

Когда мой отец держал меня на руках, шепча мне на ухо специальную молитву, закрепляющую мое место в мусульманском мире моих предков, он был счастлив. Здесь, в доме своих родителей, как того требовала традиция, его новая жена подарила ему еще одного сына! Мать тоже явно гордилась своей новой ролью женщины, подарившей своему мужу сына, поскольку сыновья в мусульманском обществе ценятся высоко. Очень многие в молитве просят у Бога даровать им сыновей; мало кто взывает к Богу о даровании дочери.

Меня назвали Масуд Ахмад Хан. Ахмад — это второе имя пророка Мухаммеда; от этого имени произошло название нашего сообщества ахмадийцев, исповедующих вероучение ахмадие. В таком окружении носить имя Ахмад — большая честь.

В Тарнабе, городке на севере Пакистана в тридцати милях от Пешавара, утро 30 ноября 1951 года выдалось прохладным. Родители моей матери были преуспевающими землевладельцами и сдавали свои земли в аренду крестьянам. В качестве

арендной платы крестьяне отдавали моему деду часть урожая. К сожалению, мой дед не отличался мудростью и в конце концов потерял все свои земли — но это уже другая история.

Ко времени моего рождения дед был главой большой, человек двадцати пяти, семьи. У него было несколько дочерей и только один сын. Первые три-четыре года моей жизни прошли в его доме, который в моем детском восприятии представлялся огромным. Он, как и другие дома в этой местности, был построен из саманного кирпича, и внутри было прохладно. В нем было десять-пятнадцать комнат, окружающих внутренний двор. Широкая веранда, увитая виноградными лозами, защищала в жаркую погоду комнаты от солнца. Мне было очень грустно покидать этот чудесный дом. В последний раз я приезжал туда с родителями, когда мне было семь лет.

Мой дедушка, как многие богатые землевладельцы в то время, имел свою частную мечеть. Такое можно встретить и сейчас. Пять раз в день с ее минарета звучал *азан*, призыв на молитву. Мы прекращали все свои дела и обращались к Богу.

Аллах-о-Акбар, Аллах-о-Акбар...
Бог велик, Бог велик...
Ашхадо Анна Мухаммадар-Расулуллах
Я свидетельствую, что Мухаммед — посланец Бога.
Придите на молитву...
Никто не достоин поклонения, кроме Аллаха...

Голос муэдзина, созывающего правоверных мусульман на молитву, эхом отдавался в тихом и прохладном утреннем воздухе. Казалось, эхо повторяет его снова и снова.

Для ребенка это был весьма уютный мир. Окруженный любовью своей большой семьи, я чувствовал себя в безопасности. Как любой рожденный в мусульманской стране ребенок, первые годы жизни я провел преимущественно в женском окружении.

Только позже мужчины стали играть в моей жизни какую-то роль. Отец часто отсутствовал. Казалось, что он все время путешествовал, но никто не знал, куда он уезжал, и хотя я его любил, в детстве он не занимал значительного места в моей жизни.

Мой отец родился в Афганистане. Его семья занимала важное положение в деревне; мой дед со стороны отца был там религиозным лидером. Он умер, когда моему отцу было всего несколько месяцев; вскоре умерла и бабушка. Несколько лет отец жил в той же деревне с братом матери, моим двоюродным дедом, но когда ему исполнилось тринадцать лет, случилось нечто такое, что совершенно изменило его жизнь.

Мой дед после смерти оставил сыну довольно большое земельное наследство, попечителем которого стал дядя. Когда мальчик подрос, к нему однажды пришли какие-то люди и сказали, что дядя собирается убить его, чтобы завладеть наследством. Мой отец был очень напуган, однако только через два года решился бежать. Он пришел в Кветту, большой город недалеко от юго-восточной границы Афганистана, Потом Кветта перешла к Индии, а после раздела 1947 года стала частью Пакистана. Там мой отец встретил одного доброго человека, миссионера секты ахмадие, который пожалел его и взял в свой дом. Через какое-то время отец женился на дочери этого доброго человека, и у них родилось несколько детей.

В 1935 году в Кветте однажды ночью произошло сильнейшее землетрясение. Город был разрушен, погибло около 60 тысяч человек, среди них жена моего отца и двое его детей. Отца спасло то, что когда дом стал рушиться, он оказался прикрытым дверью, которая защитила его от падающих обломков. Благодаря этому я сейчас живу!

Когда я родился, мой отец служил телохранителем у калифа, руководителя исламской секты ахмадие. Это, однако, не явля-

лось единственным источником его доходов. Он перепробовал множество разных занятий. Одно время он был владельцем небольшого магазина электротоваров, потом открыл свою обувную фабрику. Этому он научился в Кветте, поскольку ахмадийские миссионеры были обязаны учиться этому ремеслу. Приятели иногда дразнили меня, называя сыном сапожника.

Ахмадие, как они себя называют, насчитывают около 12 млн человек. Большинство из них живет в Пакистане, хотя есть довольно значительные по размеру общины и в других местах, куда ахмадийские миссионеры занесли учение основателя секты Мирзы Гулама Ахмада, в частности, в Западной Африке и в Юго-Восточной Азии.

Гулам Ахмад родился примерно в 1835 году в Кадиане, городе в Индии в семидесяти милях от Лахора к востоку от нынешней границы с Пакистаном. Он был очень благочестивым мусульманином и страстно желал видеть ислам наполненным новой жизнью. В 1880-х годах его стали посещать видения, и он начал утверждать, что является обещанным мессией, о котором пророчествуют священные книги большинства мировых религий, включая Библию, священную книгу христиан. Он заявил, что пришел в духе и силе Иисуса Христа (пророка Исы), однако, несмотря на это, не испытывал особого уважения к христианам, последователям Иисуса Христа.

Вероучение ахмадие по всем основным вопросам, за исключением двух, совпадает с учением ортодоксальных мусульман. Первое различие заключается в том, что мусульмане верят, что Мухаммед был последним и величайшим из пророков, в то время как ахмадийцы утверждают, что Гуламу Ахмаду должно быть отведено место мессии-вождя и что без этого вероучение не будет полным. Второе состоит в том, что ортодоксальные мусульмане верят, что Иисус не умер на кресте, но что Он вознесся на небеса. Ахмадийцы идут в этом вопросе дальше,

они утверждают, что Он умер в Кашмире, где и сегодня можно видеть Его могилу. Гулам Ахмад учил, что Иисус был распят, но перед смертью снят с креста, а затем оживлен с помощью специальной мази, после чего отправился в Кашмир, где и умер в возрасте 120 лет.

Именно эти доктрины ахмадие стали для меня путеводителем во время моих поисков истины.

После смерти Гулама Ахмада среди его последователей возникли разногласия. Одни говорили, что он просто муджадид, реформатор, пришедший для того, чтобы очистить ислам; другие были уверены, что он пророк и истинный мессия, обещанный махди (вождь). В 1914 году, через шесть лет после смерти Гулама Ахмада, произошел открытый раскол. Сторонники второй точки зрения, которых было большинство, назвали сына Гулама Ахмада, Башир-у-Дина, вторым калифом и обосновались на родине Гулама Ахмада, в Кадиане. Это была многочисленная группировка, которую стали называть партией кадиани. Их противники бежали в Лахор, теперь второй по величине город Пакистана, и стали известны как партия лахор.

Мой отец духом и сердцем принадлежал кадиани. Он приехал в Кадиан после смерти своей первой жены. Насколько я знаю, в 40-х годах он еще по крайней мере дважды женился. Когда в 1947 году Индия получила независимость и от нее отделился Пакистан, мой отец, как и многие другие ахмадийцы, перебрался в Лахор, чтобы жить в Пакистане. Будучи мусульманами, они опасались оставаться в Индии. И в самом деле, тысячи мусульман были убиты при попытке бежать в Пакистан. Но Бог снова сохранил моего отца. К 1950 году, когда отец женился на моей матери, он уже имел большую семью. Вероятно, это являлось главной заботой в жизни отца. Он, казалось, все время надеялся, что новая женитьба изменит его судьбу и он наконец станет богатым. Но этого так и не случилось.

Ребенком я, конечно, ничего этого не знал. Когда мне было лет десять, мы переехали в Рабвах, ставший к тому времени главным центром ахмадийцев из партии кадиани. Рабвах был новым городом, основанным в 1951 году, и влияние кадиани в нем было настолько сильным, что до 1974 года люди, не принадлежавшие к ахмадие, вообще не могли жить там. В этом городе я вырос.

С самого начала мое образование основывалось на Коране. Мусульмане считают делом чести учить святую книгу наизусть. К десяти годам я знал наизусть длинные отрывки из Корана. Все мусульманские дети изучают Коран на арабском, поскольку считается, что именно на этом языке Коран был дан Мухаммеду; родным же языком для меня был урду.

Священными книгами мусульман являются *Тора* (закон), *Забур* (псалмы), *Инджил* (Евангелие) и *Коран*. Сюжеты из этих книг знакомы мне с самого раннего возраста; Ной и Авраам были как бы моими старыми друзьями. Вся наша жизнь была подчинена строгому распорядку обязательных ежедневных молитв; это дисциплинировало меня и сделало веру важнейшей частью моей жизни.

> *Я верю в Бога; я верю в Его пророков; я верю в Его ангелов; я верю в Его Книги; я верю в Судный День. Я благодарю Бога, Который есть Бог Вселенной. Он велик и милосерден к нам. Он будет судить нас в Судный День. Укажи нам путь, по которому шли люди, благословленные Тобой, о Господь, не дай нам сбиться с пути и стать неверными. О Господь, прими эту молитву. Аминь.*

По вечерам я обычно молился с матерью или даже с отцом. Я был еще мал, поэтому молился у себя в комнате или в комнате родителей.

— Мама, я хочу спать. Пора молиться.

— Хорошо, сынок, я послушаю твою молитву, — отвечала мама.

Иногда, приходя для молитвы в комнату родителей, я видел, что они ссорятся. Чаще всего причиной этому были финансовые проблемы, а также частые отлучки отца.

Однажды вечером, услышав, как родители ссорятся из-за других жен моего отца, я подумал: «Когда я вырасту, у меня будет только одна жена!»

Молитвы по часам расписывали нашу жизнь. Каждое утро еще до рассвета нас призывали обратиться к Аллаху. Потом *зухр*, полуденная молитва, прерывала течение дня с его обыденными заботами; а за час до захода солнца нас снова звали на молитву. Как только садилось солнце, мы молились еще раз, и последняя за день молитва читалась примерно в восемь часов вечера — ее время было определено не так строго, как время других молитв.

Одна вещь с самого раннего возраста смущала меня во время молитвы. Лет в десять я наконец осознал, что же меня смущает. Меня учили, молясь перед сном, просить у Бога благословения для Мухаммеда: «О Бог, благослови Мухаммеда и потомков его».

«Но, — думал я, — если Мухаммед сам является благословением для всего мира, почему же мы просим Бога благословить его?» Даже в юном возрасте это очень смущало меня, поскольку я не видел в этом смысла.

В другом месте молитвы, упоминая Мухаммеда, мы добавляли: «на котором да будет мир». «Значит, — размышлял я, — он не имеет мира, раз мы просим об этом для него? А если даже он не имеет мира, тогда кто же может иметь Божий мир?» Я был совершенно сбит с толку.

Заучив наизусть многое из Корана, я стал проводить больше времени в мечети ахмадие, прислушиваясь к разговорам

старших. Я хотел узнать, чем мы, община ахмадие, отличаемся от других мусульман. К тому времени я уже убедился в существовании этих отличий. В соседней деревне, где жили ортодоксальные мусульмане, мы с друзьями часто слышали: «Убирайтесь отсюда, *мирзан*! Неверные! Нечистые!»

Неудивительно, что мы старались жить только в пределах общины. Здесь мы были в безопасности.

Наш город Рабвах расположен на реке северо-западнее Лахора. Мой отец очень любил реку и часто уходил на рыбалку. Думаю, для него это был способ хоть на время убежать от проблем и неприятностей. Я видел, как он уходит, широко шагая в высоких сапогах, в темной свободной одежде, на которой меньше заметны пыль и грязь. Он пропадал на реке часами. О чем он думал в это время? Возникали ли у него те же сомнения, что и у меня? Этого я не мог узнать, потому что в Пакистане не принято, чтобы отец делился с сыном такими мыслями.

Однажды, когда мне было десять лет, я сидел в мечети и слушал, как обычно, беседу мужчин с учителем. Разговор коснулся силы молитвы — как раз того, чем я очень интересовался. Дело происходило как раз после *зухра*. Я слышал, как один из мужчин сказал:

— Если человек, стоящий на берегу реки, верит в *калиму* (название молитвы), он сможет перейти реку по воде, как посуху.

Мое сердце забилось сильнее. Неужели молитва действительно позволяет делать такое! Как и все мусульмане, я знал *калиму* с раннего детства. Я тихонько встал и незаметно выскользнул из мечети.

Я поспешил к реке, которая находилась примерно в полутора километрах от мечети. Запыхавшись от бега, я остановился на берегу и окинул взглядом реку, спокойно текущую у моих ног. На реке виднелись несколько лодок с рыбаками из соседней деревни, но они были далеко от меня. Я посмотрел вокруг — никого не было видно. Во весь голос я повторил священные сло-

ва калимы: «Во имя Аллаха, великого и милосердного, верую, что нет Бога кроме Аллаха и что Мухаммед — пророк Его».

На мне была серая школьная форма, состоящая из *шальвар* и *камиза*, длинной мешковатой рубахи.

Я было задумался, нужно ли мне снимать одежду, но тут же вспомнил, что собираюсь идти по воде, а не купаться в ней! Подумав, я все-таки снял с ног сандалии.

Робко и неуверенно я шагнул в воду. Моя решимость стала пропадать, когда я почувствовал, что она не стала твердой, как берег, но я, не рассуждая, ринулся вперед, в реку. Вода доходила мне до колен. Я еще раз прочитал *калиму* и продолжал шагать, думая, что скоро молитва подействует и я пойду по поверхности воды. Внезапно, сделав шаг, я почувствовал, что дно реки ушло из-под моих ног и я не могу остановиться. Я плюхнулся в воду. Ужас сдавил мне горло: я не умел плавать! Я понял, что тону, и в отчаянии закричал.

О, с какой радостью я почувствовал, как чьи-то сильные руки подхватили меня! Каким-то чудом рыбаки все-таки услышали мои крики и приплыли, чтобы спасти меня. Когда меня втащили в лодку, я плакал от страха и обиды. После того, как я немного успокоился, один из них спросил меня:

— Что это за странные вещи ты вытворяешь? Зачем ты полез в воду в одежде?

Вспомнив о том, как близок я был к смерти, я снова заплакал. К тому же я был очень испуган и решил, что будет лучше сказать им правду. Не смея взглянуть на рыбаков, я признался:

— Я подумал, что если с верой прочитаю калиму, то смогу пройти по воде.

Это звучало очень неправдоподобно. Что подумают эти люди? Они уставились на меня в удивлении, потом один из них засмеялся громким недобрым смехом:

— Ах ты, сын неверного! Твой отец неверный и мать твоя неверная, вся твоя семья — язычники, кадиани, мирзан. Как

можешь ты, нечистый, верить, что Бог услышит тебя? Ты в самом деле думаешь, что можешь прочитать священную *калиму* и пересечь реку посуху? Убирайся отсюда, неверный, и скажи своим родным, чтобы они сначала стали мусульманами, а уж потом вернись и попробуй еще раз! Убирайся, или утоплю тебя!

Он выглядел так угрожающе, что я пришел в ужас. Как только лодка приблизилась к берегу, я выскользнул из нее, вскарабкался на берег и помчался к деревне. Мне было стыдно, и теперь, оправившись от страха, я испытывал сильный гнев на Бога за то, что Он не ответил на мою молитву. Мысль об этом жгла меня, пока я бежал домой. Без сандалий ноги мои были в ссадинах, кроме того, я знал, что отец придет в ярость, когда узнает, что я их потерял. К тому времени моя одежда уже высохла, но как же я объясню пропажу обуви? Мне было страшно и одиноко.

Все произошло так, как я и предполагал. Как только я добрался до дома, мать набросилась на меня:

— Где ты был, Масуд? Почему ты ушел так надолго?

Я ничего не мог ей ответить, и она сильно побила меня. Когда отец вернулся домой, она рассказала ему о моем отсутствии, и он начал кричать на меня. До сих пор помню, как, услышав его громкий сердитый голос, я потерял контроль над собой. Пятна на моей одежде были как пятна на душе. Поэтому я рассказал им всю историю. Сестра и мать посмеялись над моим рассказом, однако отец смотрел на меня очень серьезно, когда сквозь слезы я говорил ему:

— Но, папа, ведь мы мусульмане, правда? Почему они зовут нас язычниками? Язычники были во времена пророка Мухаммеда; Коран говорит, что они мешали ему. Мы же не такие! Мы верим в Коран и молимся пять раз в день. Почему же тот человек сказал, что мы язычники?

Я рыдал, а мой отец молча смотрел на меня. Не получив ответа, я набрался храбрости и сказал:

— Я хотел бы сам разобраться, папа. Мне надо почитать об этом и изучить все это.

Отец выглядел растерянным. Наконец он сказал:

— Ты еще слишком мал, Масуд. Когда подрастешь, то научишься разбираться в этих вопросах. Завтра я поговорю с твоим учителем. А теперь пойдем, пора спать.

Он говорил безо всякого зла, но в ту ночь я мог думать только об одном: отец пожалуется моему учителю, Мухаммеду Измаилу, и тот будет бить меня.

Я пошел спать совершенно растерянным. Я всегда был послушным мальчиком, и это происшествие сильно расстроило меня. Слово «язычник» звенело у меня в ушах, острые шипы страха вонзались в меня при мысли о гневе учителя. Я повторил все молитвы, которые знал, но больше всего меня мучил не страх, а гнев — гнев на Аллаха! Почему он покинул меня? Почему не ответил на молитву? Может быть, меня обманывают?

«О Аллах, — сказал я ему насмешливо, — ты, наверное, не понимаешь никаких языков, кроме арабского? И поэтому ты не слушаешь молитву на урду или пушту? Поэтому ты не понял, что я хотел сделать? Или ты не захотел слушать меня? Ты сердишься на меня, как мои родители?» Я повернулся лицом к стене и оплакивал несбывшиеся мечты.

Именно этой ночью во сне я вышел на перекресток. Я заблудился; мой Отец обнял меня, утешил и привел домой...

До 1972 года, когда все школы ахмадийцев были национализированы и включены в систему школ Пакистана, последователи ахмадие предпочитали и в образовании следовать традициям своего вероучения. Ребенком я ходил в школу ахмадие. Я любил школу и очень уважал мирзу Мухаммеда Измаила, моего учителя.

Мухаммед Измаил был старик с длинной белой бородой. Большинство ахмадийцев, как и мой отец, носят небольшие аккуратные бородки, а у Мухаммеда Измаила борода спуска-

лась на грудь. Он был весьма болезненным и имел в Рабвахе репутацию любителя чтения, так как у него было много книг. Это был образованный человек с широкими познаниями в исламе. Вероятно, бывали времена, когда ученики казались ему сущим наказанием.

На следующий день после попытки ходить по воде я сидел в классе, испуганный и взволнованный. Что сказал отец Мухаммеду Измаилу? Как обычно, учитель провел перекличку и, отметив, что все ученики присутствуют, велел мне выйти вперед.

— Масуд, твой отец жалуется на тебя. Ты должен говорить своим родителям, когда куда-нибудь уходишь. Что было бы с ними, если бы ты утонул? Будь внимательнее в следующий раз.

Сказав это, он отпустил меня. Я пробормотал слова благодарности, но продолжал стоять перед ним, так как хотел рассказать ему о своем сне.

Наконец он сказал:

— В чем дело, Масуд?

— Учитель, — ответил я, — я видел сон... этой ночью...

Он посмотрел на меня задумчиво.

— Сон? — произнес он тихо, как будто обращаясь к самому себе. — И ты тоже...

Я затрепетал от восторга. Он тоже видел сон! Старик говорил! Возможно ли это?... Но он продолжал:

— Что же ты видел, сын мой?

Он отвел меня в сторону, и я рассказал ему мой сон. Он впал в глубокую задумчивость, потом сказал:

— Масуд, никому не говори об этом! Понимаешь?

Я послушно кивнул; мое сердце ликовало. Хотя я и не понимал, как именно, но чувствовал, что Аллах заботился обо мне. Несмотря на вчерашнее фиаско, несмотря на наказание и слезы, он был здесь, он заботился обо мне...

3

Я расту

Мои родители снова ссорились! Я слышал громкий голос матери, и мне хотелось заткнуть уши пальцами, чтобы не слышать постыдных вещей, которые она говорила отцу. Как бывало очень часто, она упрекала его в том, что он куда-то надолго уезжал. До нее дошли слухи, что он ездит в какой-то город к другим женщинам. Уже не в первый раз я подумал, что иметь больше одной жены — непосильная ноша, которую я никогда не хотел бы нести.

Я вспомнил моего друга Саида. В его доме была более мирная атмосфера, чем у нас. Его родители не ссорились, как мои. У них были деньги, чтобы покупать ему красивую одежду и другие вещи, которые мои родители не могли купить мне, моей сестре Джамиле или моему брату Махмуду. Я даже не знал всех детей моего отца от других жен, но я чувствовал, что семья должна жить как-то иначе.

Как ни странно, но мне казалось, что Мухаммед, наш пророк, имел такие же проблемы, что и мой отец! Ислам дает женам привилегии, однако совершенно невозможно, чтобы человеческая ревность могла спокойно относиться к тому, что одна жена получает больше внимания, чем другая. К тому же всегда не хватает денег. Я знал, что мама иногда получала немного денег от своего отца из Тарнаба, но все-таки жить было очень трудно. Во всяком случае, отец всегда ухитрялся истратить все, что у

нас было. Он очень любил своих друзей и тратил все деньги на угощения и развлечения для них, не считаясь с тем, могли мы себе это позволить или нет. Однажды мать так рассердилась на него, что во время ссоры на веранде ударила его по голове велосипедным насосом. Он упал и несколько минут лежал без чувств. Я закричал:

— Амми, пожалуйста, не бей папу! Не надо ссориться. Что подумают соседи?

Мне стыдно теперь вспоминать, что я больше заботился о нашей репутации, чем об отце. А отец, ужасно рассерженный, вскочил на ноги и закричал на меня:

— Заткнись! Нечего тебе смотреть. Это не твое дело!

С пылающим лицом я убежал с веранды.

Возможно, я был слишком чувствительным, но мне всегда казалось, что мать любит мою сестру Джамилю больше, чем меня. Мама учила Джамилю урду, так как та не ходила в школу, и они были очень близки. Мама редко бывала ласкова со мной, хотя я страстно желал этого. Возможно, она боялась, что я стану похожим на своего отца, а может быть, мать по природе всегда ближе к дочери.

Меня очень тревожило, что у матери не хватало денег на еду для нас. Однажды, проходя через их комнату, я слышал, как она сказала отцу:

— В доме нет еды. Мне нужно пять рупий на рис и дхал (лепешки из фасоли или зерновых культур). Я не могу прокормить детей на те деньги, что ты даешь мне.

Отец нехотя давал ей какие-то деньги, но этого было мало, и она, срывая свой гнев, била нас, говоря:

— И вы будете такими же, как ваш отец.

Конечно, матери было очень тяжело, и я чувствовал, что должен помочь ей. Я стал выполнять несложную работу, которая давала мне небольшой заработок. Я мыл посуду в маленьком ресторанчике, а позднее помогал продавцу фруктов на базаре —

мыл фрукты и помогал раскладывать их. Мама удивилась, когда я принес ей заработанные деньги; я думал, что она обрадуется, но она не выразила особой радости.

И все это время я все больше молился. Теперь мне кажется, что это Бог вложил в мое сердце особое желание молиться. Даже когда мои отношения с семьей были очень плохими, я не переставал молиться, и Бог поощрял это желание.

Однажды в 1963 году после очередной ссоры родителей я вдруг вспомнил, что назавтра мне нужна новая тетрадь по арифметике, поскольку предыдущая кончилась. «Что же мне делать, — спрашивал я себя, — ведь папа сейчас так рассержен. Как же я могу попросить у него другую тетрадь?» Инстинктивно я начал молиться: «О Аллах, обрати гнев моего отца в мир, чтобы я мог пойти к нему и попросить денег на тетрадь». Увы, этого не произошло: мой отец так и ушел рассерженный.

Стыдно признаться, но на другой день я украл несколько листочков бумаги из тетради одного мальчика в школе. Мне показалось, что этого будет достаточно, но, когда я почти закончил решать задачи, бумага кончилась. Я пошел в соседнюю комнату, где мама занималась с Джамилей. Я попросил денег, но она не расслышала, и понял, что настаивать нельзя — это рассердит ее.

В отчаянии я хотел найти портфель сестры, но она спрятала его, зная, что мне нужна бумага. Я был в таком страхе от того, что моя домашняя работа не сделана, что решил не ложиться спать, пока отец не вернется домой. Я уселся читать книгу, но скоро уснул...

Мне казалось, что прошла одна минута. Я почувствовал, что меня грубо трясут, и услышал мамин голос:

— Уже час ночи, ты спишь тут над книгой, не выключив свет! Ты, как твой отец, никогда не сможешь получить образование! Вставай, ленивый мальчишка, и отправляйся в кровать!

Она погасила свет и ушла.

На следующее утро первой моей мыслью было незаконченное домашнее задание. В школу нужно было идти целую милю, и в тот день всю дорогу я молился, весьма эгоистично: «О Боже, пусть сегодня учитель заболеет!»

Но скоро я сообразил, что учитель не может быть больным всегда, и стал молиться иначе: «О Боже, я хочу найти на дороге рупию, чтобы купить две тетради, карандаш и точилку в школьном магазине».

Моя вера была очень сильна, и я внимательно смотрел под ноги, уверенный, что скоро увижу то, чего желало мое сердце. На полпути к школе я подумал, что, может быть, мои ожидания слишком велики, поэтому снова стал молиться: «Ладно, Господь, если рупия — слишком много, пусть будет монета в пятьдесят *пайс* (полрупии)».

Когда показались школьные ворота, я снизил запрос до 25 *пайс*, а потом и до 10, чтобы хватило на несколько листков бумаги. Но на земле не было никаких монет. Совершенно обескураженный, я подошел к воротам.

И тут я услышал знакомый голос:

— Сынок, дитя мое!

Мое сердце страшно забилось. Я быстро обернулся и увидел одетого в белое человека из моего сна. Я задрожал от удивления и страха. Как бы издалека снова раздался Его голос:

— Не бойся. Возьми эту рупию. Купи все, что тебе нужно, и закончи домашнюю работу: еще есть время до звонка.

Голос замер и, как будто в трансе, я услышал, как хозяин магазина спросил у меня:

— Ну, что тебе нужно?

Я был потрясен. Я стоял в магазине, а в руке у меня блестела монетка в одну рупию. Собравшись с силами, я сказал продавцу, что мне нужно, и уселся на ближайшую скамейку, чтобы доделать свою работу. Как только я закончил, зазвенел звонок на урок.

Когда несколько минут спустя учитель спросил, сделали ли мы домашнюю работу, мой счастливый возглас «Да!» был самым радостным и громким из всех.

В тринадцать лет я закончил седьмой класс. В это время я подружился с мальчиком по имени Ахмед, который учился в девятом классе. Это был спокойный мальчик, склонный ко всему духовному. Я был счастлив, что у меня такой друг. Он был высокий, значительно выше меня, и помогал мне в занятиях, поскольку был старше и знал намного больше меня.

Отец Ахмеда был миссионером ахмадийцев. В секте ахмадие всегда придавали большое значение миссионерской работе, поэтому учение Мирзы Гулама Ахмада распространялось по миру. Отец Ахмеда преподавал в миссионерском колледже в Рабвахе и был известен как хороший учитель и проповедник. Мне нравилось посещать их дом, где всегда были добры ко мне.

В один холодный зимний день я пришел к Ахмеду. Мы играли вместе, и вдруг я услышал стройное, красивое пение. Сначала я подумал, что это радио, но Ахмед сказал:

— Нет, это мусорщики поют. Давай пойдем и посмотрим.

Он взял меня за руку, и мы по лестнице поднялись на крышу дома. Дом Ахмеда примыкал к кучке маленьких домишек. С того места, где мы стояли, мы могли заглянуть во внутренние дворы этих домов. В одном из этих дворов сидели мужчины, женщины и дети и пели. Наши тени упали на камни двора, люди подняли головы и увидели нас. Мы смотрели на них, не шевелясь. Я еще не знал тогда, что это были первые услышанные мной христианские песни.

Один человек встал, склонил голову и начал что-то говорить, обращаясь к сидящим. Они внимательно слушали, мы же были слишком далеко, чтобы расслышать его слова. Тем не менее, эта сцена показалась мне очень интересной. Наконец Ахмед тронул меня за руку:

— Пойдем, Масуд, мама зовет нас. Давай спустимся.

Мать Ахмеда приготовила нам чай, потом Ахмед сказал мне:

— Пойдем, я покажу тебе мою библиотеку.

Ахмед очень гордился своими книгами. Я тоже любил книги и гордился собственной маленькой коллекцией рассказов для мальчиков. Я обычно покупал их, когда у меня бывали карманные деньги или деньги за работу, которую я выполнял для соседей. Как и Ахмед, я покупал книги о пророках и других мусульманских героях.

Среди книг и журналов Ахмеда я вдруг увидел книгу под названием «Евангелие от Иоанна». Название звучало интересно, и я сначала подумал, что это книга для детей. Однако, поскольку Евангелие на языке урду — Инджил, я понял, что это одна из священных книг. Мы учили, что существуют четыре священные книги:

Тора (Закон), данный Моисею,
Забур (Псалтирь), данная Давиду,
Инджил (Евангелие), данное Иисусу,
и *Святой Коран*, данный Мухаммеду.

— Если это книга *Инджил*, данная пророку Иисусу, — спросил я Ахмеда, — то почему она написана на урду, а не на арабском, нашем священном языке?

Прежде чем Ахмед смог ответить, его мать вошла в комнату и сказала мне раздраженно:

—Эти мусорщики дали ему свою книгу. Я запретила ему держать эту книгу дома, но он обманул меня, сказав, что отдал ее им обратно. Дай мне эту книгу, я сейчас же сожгу ее.

Я был в ужасе.

— Нет, тетушка (это обращение мы использовали, когда разговаривали с матерями друзей), — сказал я. — Пожалуйста, дайте ее мне.

— Да, мама, — вмешался в разговор Ахмед, — пусть он возьмет ее, у него так мало книг.

Мать Ахмеда смягчилась.

— Ладно, но я не хочу больше видеть ее в нашем доме.

Вскоре я попрощался с Ахмедом и пошел домой с охапкой журналов и моим новым сокровищем, Инджил.

Когда я пришел домой, Джамиля играла с подружками. Наверное, им надоели обычные девчоночьи игры с куклами, потому что, увидев меня с журналами, они вдруг выхватили их у меня из рук, и маленькое Евангелие упало на пол. Я очень рассердился на сестру и даже хотел стукнуть ее за то, что из-за нее святая книга пророка Иисуса упала на пол, но неподалеку сидела с шитьем мама. Я поднял книгу и поспешил в свою комнату, чтобы поскорее прочитать ее.

В тот вечер эта книга открыла для меня новый мир. Я не лег спать, пока не закончил чтение; голова у меня кружилась от новых идей, с которыми я столкнулся. Был ли Иисус действительно Христом, то есть Мессией? Как я хорошо знал, ахмадийцы кадиани верят, что Мирза Гулам Ахмад был Мессией. Я узнал, что пророк Иисус назывался Калима — Слово, или Логос. Он был *рух'Ал-лах* — Дух Божий. Коран также называл Его Сыном Марии (а не Бога, конечно) и Исой.

Я знал, что Коран учит, что Иисус совершал чудеса. У моего соседа и школьного товарища Саида была серия маленьких книжек о святых пророках, и одна из них была посвящена пророку Исе, то есть Иисусу. Я решил взять у Саида эту книгу и провел почти весь день, сравнивая эти два источника. Я обнаружил множество различий между ними.

В глубокой задумчивости я отправился в центральную мечеть на пятничную молитву. Среди молящихся я заметил моего старого учителя Мухаммеда Измаила; он тоже увидел меня и улыбнулся мне, довольный тем, что видит меня среди поклоняющихся Аллаху. Насколько я знал, он питал надежду, что ког-

да-нибудь я стану миссионером секты ахмадие и понесу учение нашего пророка по всему миру. После молитвы он подошел ко мне, и мы вместе отправились домой. Мне пришло в голову, что он мог бы ответить на некоторые из моих вопросов.

— Учитель, — начал я неуверенно.

— Что, Масуд? Ты хочешь меня о чем-то спросить?

Я кивнул и задумчиво сказал:

— Учитель, правда ли, что Бог — наш Отец, а мы — Его дети?

Он остановился и посмотрел на меня, как мне показалось, очень строго.

— Кто тебе это сказал? — спросил он удивленно.

— Я прочитал это в Инджил, — ответил я.

— В Инджил? А где ты его достал? Кто дал тебе его? Где эта книга сейчас?

Мне стало не по себе от его вопросов, но хватило смелости ответить:

— Я взял эту книгу у Ахмеда, и сейчас она у меня дома.

Он снова пошел, на этот раз быстрее, и сказал мне:

— Думаю, тебе лучше пойти ко мне, Масуд. Я постараюсь ответить на твои вопросы.

Я поспешил за ним в уверенности, что скоро получу желаемые ответы.

Приведя к себе в дом, он усадил меня и вышел, чтобы принести книги. Вошла его жена. Я встал и вежливо сказал: «*А салам алейкум*. Мир вам».

Она улыбнулась и поцеловала меня.

— А как тебя зовут? — спросила она. — Ты один из учеников моего мужа?

Пока я отвечал ей, вошел учитель с целой кипой книг.

— Пожалуйста, приготовь нам чай, — сказал он жене. — Он нам понадобится, потому что этот молодой человек задает слишком сложные для его возраста вопросы...

Его жена ласково улыбнулась мне:

— Такие дети, как он, смогут донести наше учение до края земли. — Я вспомнил ее слова гораздо позднее...

Пока мы пили чай, учитель взял большую черную книгу и открыл ее.

— Это христианская Библия, — сказал он. — В ней есть Тора, *Забур* и *Инджил* — Закон, Псалтирь и Евангелие.

Я взял из его рук книгу и с большим интересом перелистал ее. Учитель нашел Евангелие от Иоанна. И заметил, что это последнее из четырех Евангелий — четыре Инджил! В удивлении я обратился к учителю.

— Нет, Масуд, это не четыре разных Инджил. Это одна книга, но в четырех частях, потому что ее писали четыре разных человека.

Многое из того, что говорил мне в тот день учитель, я забыл, но хорошо помню, как он сказал:

— Мы, мусульмане, верим, что Тора, Забур и Инджил — святые небесные книги, но без Корана нет завершенности. Создавая свою Библию, христиане исказили три первые книги. Был только один Инджил, а теперь у них четыре части. Есть и другие откровения, но христиане не упоминают о них. В таком виде, — он похлопал по Библии, — эти книги лишь запутают тебя. Есть только один Бог. Как говорится в Коране: «Скажи: Он есть Аллах, Единый: Аллах, Независимый и всеми Искомый. Он не рождает и не рожден Он. И нет никого равного Ему». Как мы можем сказать, что Бог — наш Отец, а мы Его дети, если Он сам говорит о себе: «Он не рождает и не рожден Он»?

Я медленно кивнул. Но прежде чем уйти, спросил:

— Учитель, а нет ли там рассказа о том, как Иисус ходил по воде? — даже спустя три года воспоминание об этой неудачной попытке было свежо в моей памяти!

Учитель ласково ответил:

— Такой рассказ есть, сынок, но сила творить чудеса давалась пророкам и апостолам, а ты не апостол и не пророк. Даже простая вера требует зрелого ума.

Он вышел проводить меня, и, стоя в сгущающихся сумерках у ворот, я обещал отдать ему свое Евангелие от Иоанна и никогда больше не думать обо всем этом.

4

Приближение к Нему

Прошло еще два года, мне исполнилось пятнадцать. Дома дела шли все хуже и хуже. Финансовое положение отца стало еще более шатким, и мои родители продолжали ссориться. Это делало нас, детей, очень несчастными.

Моя жажда знаний не ослабела, но из-за нехватки денег стало трудно платить за мое обучение в школе. Поэтому мне приходилось все больше работать у соседей, которые оплачивали мое обучение. Каждый вечер я стирал одежду, убирал и ходил для них за покупками.

В то время мне казалось, что Бог очень близок мне. Теперь я понимаю, что для меня Бог никогда не был безличным и отстраненным, как учит ислам; я всегда молился, ожидая, что Бог услышит меня и ответит участием в моих личных делах. У меня было мало настоящих друзей; может быть, поэтому я все больше обращался к Богу.

Кроме того, подобно отцу, я пристрастился к рыбалке. Обычно я ходил на реку без него. Мне стыдно признаться, но иногда я брал его снасти без разрешения.

В эти часы на берегу я разговаривал с Богом. Однажды я стал молиться: «О Боже, дай мне, пожалуйста, сегодня две-три рыбешки. Ты знаешь, они нужны мне, чтобы у моей семьи была еда».

Вдруг удочка запрыгала в моих руках, и на поверхности воды показалась огромная рыбина! У меня перехватило дыхание, я чуть не упал в воду. Я испугался, что порвется леска, — это было для меня страшнее, чем упустить рыбу, поскольку леску я взял у отца и знал, что он не так-то легко простит меня. К счастью, какой-то человек заметил мою борьбу с рыбиной и поспешил на помощь. Общими усилиями мы ухитрились вытащить десятифунтовую рыбу на берег. Таких огромных рыб мне еще не доводилось ловить, и я чувствовал благоговейный трепет благодарности Богу за ответ на свою молитву. Однако у меня так и не хватило смелости признаться отцу, что я без разрешения брал его удочку.

У меня в голове было множество вопросов. Я не мог понять, почему ахмадийцы не общаются с другими мусульманами, например, с жителями Чиниота, что на другом берегу реки. Наша жизнь казалась мне очень однообразной. Как у многих молодых, у меня все чаще возникало чувство недовольства. Я очень гордился тем, что могу задавать взрослым вопросы, на которые они не могут мне ответить удовлетворительно. В тот период я не столько хотел найти правду, сколько победить других в споре. Ради этого я проводил долгие часы за книгами, «ведя исследования», как я это называл.

Ахмадийцы гордятся своими строгими моральными принципами. Как и все мусульмане, они ярые противники алкоголя и даже табака: для тех, кто позволяет себе излишества, предусмотрены суровые наказания. Конечно, всегда найдется тот, кто удовлетворяет свои похоти втайне, но открыто — никогда.

В нашем городе не существовало телевидения и кинотеатров, где было бы позволено показывать коммерческие фильмы. Нам разрешалось смотреть фильмы только на религиозные темы. Однако молодежь Рабваха страстно стремилась узнать побольше об окружающем мире, и я не был исключением. Однажды несколько моих друзей осмелились тайком сходить в кино в

Чиниоте, в пяти милях от нас, но были пойманы и жестоко избиты. Центр самоуправления секты ахмадие Амоор-и-Ама имел свой собственный отряд по охране порядка, который частично брал на себя функции полиции. Этот отряд был известен под названием «Моджахед», и каждый мальчик с двенадцати лет должен был пройти там курс тренировок.

Позднее мне пришлось на собственном опыте узнать, как эффективно действовал этот отряд!

Мои родители настаивали, чтобы я не покидал Рабваха, хотя мне было очень любопытно посмотреть, как живут другие мусульмане. Я страстно желал говорить с ними, спорить с ними. Однако все мои мольбы были напрасными. Мои родители оставались непреклонными. Я негодовал.

Дважды мне удалось сходить с друзьями в кино в Чиниоте. Чиниот показался мне другим миром, а в кино я получил истинное наслаждение. Фильмы, которые я смотрел, уносили меня от моих проблем. Я отождествлял себя с их персонажами. Фильмы прославляли пакистанский народ, а их персонажи были благородными людьми, способными отдать даже жизни ради процветания своей страны. Я был глубоко тронут их жертвенностью. Их противники изображались жадными, озабоченными только своим богатством и благополучием людьми. Поскольку память о британском колониальном режиме была еще свежа в памяти народа, не было ничего странного в том, что «враг» часто представал в образе британца.

Однажды мои так называемые друзья, с которыми я ходил в Чиниот, донесли на меня в Амоор-и-Ама, но мне удалось избежать наказания. Когда это дошло до учителей ахмадие, они не поверили, что я ходил в Чиниот просто ради кино.

— Не может быть, — сказали они. — Если Масуд ходил туда, то, вероятно, для того, чтобы поспорить там с мусульманами.

Они не хотели верить правде обо мне! Несмотря на все это, Бог никогда не оставлял меня. Однажды отец дал мне

две рупии и послал на базар купить масла. Я зажал монетки в руке и побежал на базар. По дороге я заметил небольшую толпу, собравшуюся вокруг человека с дрессированной обезьяной. Обезьянка проделывала всякие трюки, а я стоял, как зачарованный. До сего дня я не знаю, как это случилось, но когда я наконец оторвался от этого зрелища, двух рупий у меня в руке не было! Я был ошеломлен и в отчаянии закричал: «О Боже, верни мне эти деньги!».

Я плакал всю дорогу домой, так как хозяин магазина ни за что не дал мне масла без денег. Я уже вошел в свои ворота, зная, что меня будут бить, и вдруг возле двери увидел деньги. Две серебряные монетки лежали и сверкали на солнце. Как они туда попали, я не могу сказать. Возможно, было какое-то простое объяснение этому, но для меня это явилось чудо. Бог еще раз ответил на мою молитву.

В то время я работал по вечерам в семье Саида. Мои отношения с самим Саидом сильно ухудшились. Его отец часто отсутствовал, а на него сильно влиял старший брат. Это был здоровый малый с очень плохой репутацией. Саида возмущало мое стремление учиться, так как сам он не очень-то успевал в школе. Он стал дразнить меня. В игре он нарочно старался ударить меня мячом и часто кричал:

— Давай, прислужник, принеси-ка мне мои вещи. А ну-ка, побыстрей!

Я не мог ответить ему тем же, поскольку знал, что, если его родители перестанут вносить плату за мое обучение, я останусь без образования. Но терпеть это было очень тяжело.

Однажды Саид зашел слишком далеко. Он вырвал страницы из моей тетради с домашней работой как раз перед тем, как учитель стал проверять ее. Когда я открыл тетрадь, чтобы показать учителю работу, страниц с работой там не было! Саид уже показал учителю мою работу, выдав ее за свою. Учитель

обо всем догадался, когда увидел, что моя работа вырвана. Саид был разоблачен и наказан. Униженный, он избил меня после уроков. Я не знал, что мне делать

Приближался праздник Эйд-ул-азха (праздник жертвоприношения), которого я ждал с нетерпением. Этот праздник, один из самых значительных праздников исламского года, отмечается сразу после Рамадана. Он празднуется в честь того дня, когда Измаил, сын Авраама, должен был быть принесенным в жертву. Конечно, закон иудеев учит, что Бог велел принести в жертву ягненка вместо Исаака (Исход 22), но по мусульманскому учению в жертву должен был быть принесен не Исаак, а Измаил. История этого жертвоприношения рассказана в Суре 37, но имя Измаила в Коране не упоминается.

В день праздника мать Саида позвала меня к себе. Я пошел с радостью, надеясь, что в честь праздника она даст мне немного денег, *эйди*. Перед этим она дала мне кое-что из одежды Саида, и теперь, идя к ней домой, я надел это. Она послала меня на базар за покупками. Когда я вернулся, Саид и его мать были в кухне. Увидев меня, Саид грубо схватил меня за рукав и закричал:

— Снимай мою одежду!

Мать сердито одернула его, сказав, что это она дала мне его одежду, но он не стал ее слушать. Тогда она велела ему уйти из кухни. Он вышел, хотя и очень неохотно.

Мать Саида дала мне пять рупий, велев отдать четыре из них моей маме, а пятую оставить себе. Еще она дала мне котелок из нержавеющей стали, полный отваренного риса, — его я тоже должен был отдать матери. Я поблагодарил ее и понес все это домой.

Выйдя на улицу, я увидел Саида и одного из его друзей. Я попытался пройти мимо, но они схватили котелок. Началась потасовка, котелок упал, и рис из него вывалился на землю. Я чуть не заплакал. Саид и второй мальчик стали изо всех сил

дергать меня за одежду, стараясь стащить ее с меня. Я отчаянно пытался вырваться, но они крепко держали меня.

— Посмотрите-ка на этого прислужника, — злобно шипел Саид, — он носит чужую одежду!

Он навалился на меня, стараясь схватить за пояс; я нагнулся, схватил с земли котелок и ударил им Саида в лицо. Он упал с отчаянным криком; я стукнул и второго мальчишку. Тот зашатался, а я со всех ног помчался домой.

Во время свалки я потерял деньги, которые дала мне добрая женщина. Как всегда в страхе я спрятался в туалете. Вскоре я услышал стук в дверь — это соседи пришли рассказать моим родителям о происшествии. Отец был дома; через минуту я услышал его крик:

— Масуд, выходи сейчас же! Ты слышишь? Выходи!

Я вышел дрожа; он сейчас же набросился на меня с кулаками, толкая меня на улицу. Он кричал в бешенстве:

— Вот, возьмите это отродье и убейте его! Нам он не нужен.

Сердце у меня оборвалось от этих ужасных слов. Я никогда прежде не видел его таким рассерженным, мне захотелось умереть. Я увидел перед собой красное от ярости лицо старшего брата Саида, который начал пинать меня ногами. Я упал на землю, стараясь закрыть руками голову, а он продолжал наносить мне удары своими ботинками. Наконец кто-то оттащил его от меня; я почувствовал, что меня поставили на ноги.

— Беги отсюда, — приказал мужской голос.

Я побежал спотыкаясь. Не знаю, как долго я бежал. Ноги сами принесли меня к реке, где я опустился на камень, ничего не соображая. Казалось, все мое тело — один огромный синяк, все ребра страшно болели. Плача, я погрозил кулаком небу.

— Аллах! Почему ты не избавил меня от этого? Ты такой жестокий и бессердечный? Ты сделал так, чтобы я родился в доме, где никто не любит меня, а теперь и ты бросил меня!.. Да, вы все, все бросили меня. С сегодняшнего дня я больше

не буду говорить с тобой. Я буду молчать. Я столько раз звал тебя, а ты не слышал. Сегодня меня избили ни за что, а ты ни слова не сказал в мою защиту.

Я с усилием встал на большом камне и продолжал кричать, обращаясь к Богу:

— Аллах, ты жесток! Ты жестокий царь. Если ты действительно благой и милосердный, то заговори со мной. Сегодня, в праздник Эйд, меня выбросили из дома. Ты злой Бог. Ты не добрый, ты злой. Если ты такой, тогда почему ты не можешь просто убить нас? Зачем ты так мучаешь нас? Ответь мне, Бог. Мне нужно, чтобы ты ответил!

Я ушел прочь от камня и в отчаянии стал биться головой о какую-то каменную стену.

Вдруг ослепительная вспышка молнии разорвала небо. Я поднял голову и увидел черные тучи. Послышался рокот грома. Секунду спустя небо надо мной разверзлось, и дождь потоком обрушился на меня, промочив до костей.

Я внутренне содрогнулся от страха, подумав о Ноевом потопе. Ужас охватил меня, когда я вспомнил свои собственные слова: «Почему ты не можешь просто убить нас? Зачем ты мучаешь нас?» Я не знал, съежившись под огромным камнем в попытке укрыться от ливня, хочет ли в самом деле Бог убить меня, но я точно знал, что мне не хочется умирать.

Разряд молнии ударил в землю неподалеку от меня. Я закричал от страха. Я был уверен, что следующий разряд ударит в меня. Посмотрев на то место, куда только что ударила молния, увидел язычки пламени — горел куст. Ярко вспыхнув, пламя скоро угасло, лишь легкая струйка дыма виднелась на фоне дождя. Увидев это, я вспомнил описанный в Коране случай с пророком Моисеем. Он тоже видел горящий куст. Я испугался своей нечистоты. Без сомнения, Бог был здесь и видел меня. Я стал громко молиться, прося Его простить меня.

Дождь постепенно стихал. Я выбрался из своего убежища и пошел к кусту. Я ступал осторожно, объятый страхом, но увидел просто обгорелый куст. Я подумал, что Бог, должно быть, был там, когда я ругал его и грозил ему. Я снова осмотрел куст, но он молчал. В этот момент молния ударила снова, и я упал лицом в грязь.

— Нет, нет, Боже! Пожалуйста, прости меня!

Я был уверен, что сейчас молния убьет меня. Однако этого не случилось, и я боязливо поднял голову. Дождь прекратился. Я встал и побрел к поселку. Несколько раз я оглядывался, но не увидел ничего необычного.

Какое-то время я еще бесцельно бродил, но в конце концов пришел в Рабвах. Я услышал адхан, призыв на молитву. Был полдень — время зухра, и я смешался с толпой людей. Некоторые смотрели на меня удивленно, так как я был очень грязным. Я подошел к раковине для омовений и кое-как счистил грязь со своих сандалий и одежды. Сделав это, я проскользнул в мечеть и смешался с молящимися.

Когда я встал с молитвы, какой-то человек вдруг злобно схватил меня за ухо и почти выволок из мечети. Он шлепнул меня и сказал:

— Если ты хочешь молиться здесь, сначала пойди и зашей свои брюки.

Он толкнул меня прочь от мечети. Вероятно, на берегу, пытаясь укрыться от дождя, я поскользнулся и порвал чем-то свои брюки. Красный от стыда, я пробирался домой осторожно, боясь, что люди заметят мою дыру.

Когда я пришел домой, дверь была заперта. Я не посмел стучать, голод напомнил мне о рисе и деньгах, которые я потерял утром. Я вернулся к тому месту, где произошла драка с Саидом. Денег там не оказалось, но рассыпанный рис все еще был там. Я быстро оглянулся: вокруг никого не было. Набрав полную горсть риса, я высыпал его в карман. Вкус риса, смешанного

с песком, был не очень приятным, однако я был голоден и постепенно все съел.

Покончив с рисом, я подумал, что было бы неплохо сходить к Ахмеду, ведь я еще не поздравил его семью с праздником Эйд, как того требовал обычай. Кроме того, я надеялся, что там мне дадут чего-нибудь поесть, а также иголку с ниткой, чтобы зашить брюки.

На двери дома Ахмеда висел замок. Опечаленный, я подождал немного, но никто не приходил. Я побрел наугад, просто чтобы убить время, и вдруг увидел, что вышел на улицу, где живут мусорщики — христиане. Их жильем были жалкие хибарки, выстроенные из саманных кирпичей, а не из камня, как дома ахмадийцев. Эти мусорщики принадлежали к низшей индуистской касте и стали христианами много лет назад, когда индуизм не оставил им ни малейшего шанса улучшить свое положение. Им приходилось выполнять самую черную работу, например, чистить туалеты, и многие из них, казалось, имели слабое представление о том, что такое христианство. Тем не менее, как я обнаружил позднее, среди них были и очень глубоко верующие люди. Ни один ахмадиец никогда не имел с ними дела, кроме случаев крайней необходимости, и я чувствовал себя весьма странно, стоя здесь и наблюдая за веселой игрой их детей.

Как и два года назад, меня привлекло их стройное пение. Я подошел к дому, из которого слышалось пение, и увидел, что дверь широко распахнута. Внутри человек двадцать мужчин, женщин и детей сидели на полу и пели песню о пророке Иисусе. Один человек сидел перед ними; в руках у него была книга, в которой я узнал Библию, — я видел такую же в доме Мухаммеда Измаила.

Некоторые из них повернулись и заметили меня. Улыбаясь, они знаками пригласили меня войти.

Я колебался, но в конце концов вошел и сел рядом с мужчинами на коврик. Меня беспокоили мои рваные брюки, я по-

старался сесть так, чтобы никто не заметил дыры. Они спели заключительную песнь и после молитвы стали подниматься, собираясь разойтись. Сидящий рядом со мной мужчина улыбнулся и сказал:

— Все закончилось.

Я тоже встал, чтобы уйти; в это время одна из женщин что-то шепотом сказала человеку с Библией, указывая на меня. Человек что-то ответил ей и подошел ко мне. Положив руку мне на плечо, он сказал:

— Сынок, кто ты, откуда ты пришел?

Я ответил, что пришел навестить семью друга, живущего неподалеку, но поскольку никого дома не было, я пошел по дороге и набрел на их дома.

Кто-то принес чашку чая для пастора, и он любезно пригласил меня присоединиться к нему. Я присел рядом с ним на чарпай, веревочную кровать, и начался разговор. Спустя какое-то время в комнате остались только я, пастор и семья хозяев. Все остальные ушли.

— Господин, — начал я робко, — где бы я мог достать Библию, такую как у вас?

— Это не трудно, — сказал он, — но твои родители и твоя община не позволят тебе читать ее!

— Я прочитаю ее, — ответил я, — даже если мне придется читать тайно.

Услышав это, он вытащил небольшую книжку из лежащей рядом с ним на кровати сумки.

— Вот, возьми. Это Новый Завет. Читай его, а когда закончишь, я дам тебе полную Библию.

Я поблагодарил его и взял книгу, чувствуя себя совершенно счастливым.

Он подвинул ко мне чашку чая:

— Пей, а то чай совсем остынет.

Я глотал сладкий чай с молоком, думая, что впервые имею возможность есть вместе с этими людьми из другой общины. Ни один уважающий себя мусульманин не стал бы есть с людьми низшей касты, да еще христианами. Я был голоден, у меня болела голова. Вкус чая показался мне замечательным, несмотря на мысли о странности моего пребывания здесь, с этими людьми, которые верят, что пророк Иисус — Сын Божий. Следуя ходу своих мыслей, я вдруг выпалил:

— Господин, почему вы верите, что Иисус — Сын Бога, хотя у Бога нет жены и Он не может иметь детей? — Мужчина улыбнулся и спросил, как меня зовут.

— Масуд Ахмад Хан, — ответил я, удивленный его вопросом.

— Так вот, Масуд, если я скажу тебе: «Сынок, пойди туда-то и сделай для меня то-то и то-то», разве ты в самом деле станешь моим сыном из-за того, что я тебя так назвал? Стану ли я из-за этого твоим отцом?

Я покачал головой, начиная понимать его.

— Так же и с Иисусом, — продолжал он. — Он духовный Сын, а Бог — Его Отец.

Его объяснение показалось мне довольно простым. Закончив его, пастор сказал, что ему пора идти и что он придет снова через месяц. Мы попрощались, и я в глубокой задумчивости пошел к дому Ахмеда. Дверь все еще была на замке. Темнело. Я чувствовал боль во всем теле. Снова пошел дождь, я промок и очень замерз. Потрогав спрятанный под рубашкой Новый Завет, я сел, крепко обхватив руками колени, чтобы хоть немного согреться. Вскоре я, незаметно для себя, впал в беспамятство.

Очнулся я дома, в своей постели. Возле моей кровати стояли мой отец и отец Ахмеда. Очевидно, это он принес меня домой, и теперь мой отец благодарил его, не снимая своей руки с моей головы с выражением любящего родителя. Отец Ахмеда похлопал меня по руке и, посоветовав не бродить

больше под дождем, вышел. В этот момент сердце у меня остановилось от страха! Где мой Новый Завет? Под рубашкой его не было. На мне была сухая одежда, кто-то переодел меня и, должно быть, нашел книгу. Я осторожно взглянул в лицо отцу. Знает ли он? Будет ли он опять бить меня? В это время вошла мама с чашкой чая и двумя таблетками аспирина для меня. У нас чай считается лучшим лекарством от простуды и головной боли.

Я взял чашку и увидел на столе, возле которого сидел отец, маленький Новый Завет, подаренный мне сегодня пастором. Отец заметил мой взгляд и взял книгу. К моему удивлению, он протянул ее мне и сказал:

— Если ты прочитаешь эту книгу просто как рассказ, ничего страшного, Масуд. Но если ты будешь слишком много думать об этом и задавать себе разные вопросы, это запутает тебя, приведет в беспорядок твой ум. Бог дал тебе мудрость и жажду знаний. Если тебе нужна помощь, приди и поговори со мной. Тебе осталось учиться год. Думаю, после этого ты сможешь поступить в Миссионерский колледж ахмадийцев здесь в Рабвахе и стать миссионером. Ты сделаешь это, как только получишь школьный аттестат.

Это была довольно длинная речь для моего отца, который разговаривал со мной только когда сердился; и это было еще не все. Он продолжал:

— Когда ты будешь в колледже, ты сможешь изучать любые доктрины. Ты узнаешь, во что верим мы, ахмадийцы, и что говорят люди, исповедующие ислам. Ты сможешь вникнуть в учение тех, кто называет нас язычниками, и в учение христиан. Ты узнаешь, что говорят о Боге разные религиозные учения. Ты больше не ребенок; мне жаль, что я обидел тебя. Да, правда, мне не очень нравилось, что ты так увлекаешься науками. Твое образование было мне не по карману.

Он замолчал и глубоко вздохнул.

— Это правда, что мои женитьбы не принесли мне счастья. Я боялся, что ты покинешь меня так же, как моя первая жена и ее дети, которые ушли от меня дорогой смерти. Я не смог бы этого вынести. Я знаю, что те, которые избили тебя сегодня, были не правы. Но что я мог поделать?

Я был слишком удивлен, чтобы говорить. Что за странные вещи я слышу от отца! В замешательстве я не знал, что ответить, но тут мама встала и раздраженно сказала:

— Ну хватит лекций. — Она презрительно махнула рукой в сторону отца. — Тебе самому пора спать. Прибереги свои сладкие речи для следующего раза, если уж тебе так захотелось наладить отношения с сыном.

Отец вышел с красным лицом, ничего больше не сказав. Мать вышла вслед за ним, и долго еще из соседней комнаты я слышал знакомые злые слова.

Я наугад открыл книгу и долго читал, но, услышав приближающиеся шаги, быстро сунул Новый Завет под подушку и притворился спящим. Мама вошла, погасила свет и вышла. Я уснул и спокойно спал всю ночь.

На следующее утро я проснулся поздно. Представьте себе мою радость, когда я увидел возле своей кровати Ахмеда и его мать, пришедших узнать о моем самочувствии. Увидев их, я хотел встать, но они не позволили. Мы немного поговорили, и когда моя мать вышла, чтобы принести мне пить, мать Ахмеда дала мне двадцать рупий. Это была огромная сумма! Я не решался взять деньги, но она быстро сказала:

— Возьми и купи себе книги. Это подарок для тебя. Спрячь, чтобы мама не увидела.

Я от всего сердца поблагодарил ее и спрятал деньги под подушку. Она вышла поболтать с моей мамой, оставив Ахмеда со мной.

Друг сел на мою постель. Я засунул руку под подушку со словами:

— Вот, я хочу кое-что показать тебе.

Я протянул ему Новый Завет. Он мельком взглянул на книгу и отдал мне ее обратно.

— В чем дело? Читай!

Ахмед покачал головой:

— Нет, Масуд, я не буду ее читать. Я еще не сумасшедший и не хочу стать сумасшедшим.

— Что ты говоришь, Ахмед! — воскликнул я.

— Я много читал об этой книге, брат, и отец доказал мне, что она извращена. Христианство — не истинная религия, так же как и так называемый ислам, приверженцы которого называют нас язычниками. Это они язычники, а не мы. Они сами вынесли себе приговор тем, что не верят в Масих-Маода (Мирзу Гулама Ахмада).

Я смотрел на него в изумлении: это был совсем новый Ахмед. С тех пор, как он начал учиться в миссионерском колледже, надеясь пойти по стопам отца, он стал нетерпимым к идеям, которые не согласовывались с доктринами ахмадие.

Он еще несколько минут приводил мне «доказательства» несостоятельности христианства, но тут его мать позвала его — им пора было уходить. Я смотрел им вслед с тяжелым чувством. Мне казалось, Бог что-то говорит мне, и я не был уверен, что Ахмед согласился бы с этим. Как бы там ни было, я был привязан к этому высокому серьезному парню, другу моей юности; к тому же я знал, что его родители любят меня.

В эту ночь я долго вертелся в кровати не в силах уснуть. Темнота, казалось, сводила на нет все мои попытки разобраться в своих мыслях. Я чувствовал, как на меня наваливается неимоверная тяжесть. В моем мозгу снова звучали упреки, которыми мать осыпала отца.

— О Боже, моя жизнь загублена, — причитала она. — Моя репутация в этом городе испорчена из-за моего глупого сына, который ходит слушать христиан. Мой сын! Он станет идолопоклонником, кафиром (неверным). Он ходит к этим людям,

которые против нас, против истины. Мой собственный сын! Он станет одним из этих сумасшедших проповедников или даже таким, как ты!

Раз двадцать я поворачивался с боку на бок, пытаясь уснуть, но сон бежал от меня. Смогу ли я порвать с ахмадийцами, спрашивал я себя, и если смогу, то что же дальше? В конце концов, я один из них. Какую из религий мне выбрать? Какой доктрины придерживаться? Мне казалось, что голос в моей душе шепчет: ислам!

Ислам? Но какой? Ислам суннитов? Или шиитов? Ведь внутри ислама более восьмидесяти сект. И снова темнота, как сплошная стена.

Правда ли то, что говорят о христианах? Правда ли, что они поклоняются трем богам, в то время как любой верующий знает, что есть только один Бог, истинный Бог: Аллах благой и милосердный и Мухаммед... да, а правда ли это? В самом ли деле он пророк Божий? Я застонал. Грудь сдавила еще большая тяжесть. Мой разум был в смятении. Мне казалось, что какие-то злые люди, или силы, или духи смеются вокруг меня, хватают меня, бьют меня кулаками. Я весь взмок от страха и отвращения.

Внезапно я вспомнил, что читал в Евангелии что-то об изгнании злых духов. Я пытался кричать, но их издевательский хохот снова наполнил комнату. Я чувствовал, что эти злые духи пытаются укусить меня, я же был как бы парализован весом моего тела. Наконец я закричал:

— О Создатель вселенной, помоги мне, спаси меня! О истинный Бог, пожалуйста, помоги мне!

По детской привычке я быстро прочитал подряд три суры из Корана. А потом снова громко воззвал к Богу, подумал об Иисусе, изгонявшем бесов, и сразу же тяжесть ушла из груди, а комнату наполнили мир и покой. Забыв все свои страхи, я даже вышел из комнаты, чтобы попить воды, потом лег в постель, все еще думая об Иисусе. Скоро я уснул, чувствуя в себе и вокруг себя мир и безопасность.

5

Устремляюсь к истине

Все больше времени я посвящал занятиям. По правде говоря, целью этих занятий по большей части было выискивание вопросов, на которые не могли бы ответить учителя ахмадие. Даже в школе я надоедал товарищам своими вопросами; едва ли можно было найти час, когда я не был бы занят этим. Теперь я вижу, что Бог давал мне эту огромную жажду правды, но тогда я еще не понимал этого. Я знал только, что я должен учиться, а вместе с ростом знаний в моей душе росло стремление познать настоящую истину.

Мои поиски истины сталкивались с тремя основными направлениями: ахмадие, ортодоксальным мусульманством и христианством. Первое: доктрина ахмадие, которой придерживалась партия моего отца — кадиани. Их основополагающее учение состояло в том, что Мирза Гулам Ахмад был Мессия и Махди, обещанный. Это противоречило учению ортодоксальных мусульман, которые называли нас язычниками и нечистыми; что же касается христиан, то у меня был еще очень небольшой опыт общения с ними. Чем-то они меня привлекали, и все же разница между нами была слишком велика.

Сталкиваясь с какой-либо проблемой, я прежде всего старался выяснить, как ее рассматривают эти три учения. В 1967 году я был членом организации *Итфал ул Ахмадийа* («Дети ахмадие»); предполагалось, что скоро я стану членом

молодежной организации, известной под названием *Кудам ул Ахмадийа* («Слуги ахмадие»). Я знал, что эти организации ни в коей мере не одобряют научных изысканий, подобных моим. В то же время меня раздражали взрослые в мечети, которые видели во всех моих вопросах только зло. Мне казалось, что если бы их вера была прочной, они были бы рады обсудить со мной эти вопросы. Они же, напротив, только сердились и даже жаловались моему отцу. Его ответом, как обычно, был гнев.

В марте 1967 года я сдал последний школьный экзамен; отец стал торопить меня с принятием решения относительно поступления в Миссионерский колледж в Рабвахе. Я знал, что это доставило бы ему удовольствие, но не хотел принимать решение под нажимом. У меня была иная мысль — я хотел попытаться поступить в другой колледж, светский, который готовил студентов, желающих сделать карьеру в областях, не связанных с движением ахмадие. Отец был раздосадован.

— Масуд, — сказал он однажды вечером, — почему ты так стремишься в этот колледж? Ты же знаешь, мне не нравится эта идея.

Я постарался ответить честно, хотя, боюсь, во мне говорила еще и гордость.

— Отец, я хочу идти своим путем. Я родился этом доме, но это не значит, что я должен безропотно следовать за тобой. Возможно, мне удастся лучше устроить свою жизнь. Я не хочу иметь слепую веру. Я хочу знать, почему та новая плодоносная ветвь, которая выросла на дереве ислама, позже разделилась на две — нашу партию кадиани и партию лахор. Я хочу выяснить сам, насколько правы мусульмане. И наконец, я хочу знать, что говорят христианские книги!

Лицо отца стало красным от гнева, на шее вздулись вены.

— Масуд, прекрати! — рявкнул он. — Я сожалел о том, что грубо обращался с тобой раньше, и поэтому до сего дня терпел твои выходки. Я дал тебе любовь, которой ты не стоишь. Я по-

могал тебе в твоих так называемых исследованиях. Я слышал все, что люди говорят о тебе, но и тогда старался отвечать на твои вечные вопросы. Я дал тебе возможность слушать наших величайших учителей.

Сегодня, — он хлопнул рукой по шкафу, — этот шкаф полон книг, которые я купил тебе, хотя с трудом мог это себе позволить. Я все время надеялся, что правда восторжествует и ты забудешь, наконец, свои бредовые идеи. Даже теперь я верю, что в один прекрасный день ты найдешь свет истины. Тогда ты с верой повторишь вдохновенные слова Хазрата Масих-Маода (Мирзы Гулама Ахмада): «Я донесу нашу истину до края земли». Я думал, что наше имя прославится, что наши финансовые проблемы будут решены, что для нас настанут счастливые дни. Сегодня я вижу, что напрасно надеялся на тебя. Тебя не интересуют мои мечты. Ты хочешь жить только для себя и испортить нашу репутацию. Ну что ж, возможно, ты забыл, что я могу быть жестоким отцом! Если ты не положишь конец всей этой чепухе, я заставлю тебя исчезнуть с лица земли.

Он помолчал, глядя на меня с сердитым блеском в глазах.

— Поскольку мы мусульмане, я дам тебе еще один шанс принять истину. В противном случае, да будет на тебе гнев Божий!

С этими словами он вышел из комнаты. Я без сил опустился на кровать, совершенно опустошенный. Я обвел глазами комнату, увидел свои книги и спросил себя: «Что с тобой, Масуд? Горе, злые слова; брось все это и плыви по течению. Оставь все это и делай то, что говорит твой отец. Живи в мире». Эта успокоительная мысль промелькнула у меня в голове, но что-то другое во мне говорило: «Нет, это неправда, и ты знаешь это. Найди истину, Масуд, и живи в ее свете». Я вспомнил слова, которые написал в конце экзаменационной работы по учению ахмадие: «Я написал, но я не верю». У меня снова возникла мысль: «А чего ты добьешься, если докажешь ошибочность учения ахмадие? Куда ты пойдешь после этого? В традиционный ислам? Но ислам тоже разделен...»

Я был подавлен, мне хотелось пить. Я пошел в кухню, выпил большой стакан воды и вышел из дома. Стояла полная луна, и силуэты города были знакомыми и привычными. Свежий ветерок, казалось, выдул из моей головы паутину неприятных мыслей, и я пошел к окраине города, прочь от утомительной суеты. Там я сел на большой камень и стал смотреть на луну. Душа наполнилась благоговейным восторгом перед Творцом, так чудно создавшим все вокруг. В сравнении со всеми моими проблемами здесь, в Рабвахе, луна и звезды были так чисты и совершенны.

Я ощутил глубочайшую потребность высказать Богу все.

«Отдай Ему все твои проблемы, — казалось, говорило мое сердце. — Он великий Творец, Он откроется тебе. Он, великий Бог, может решить все твои проблемы. Он может сделать это, потому что ты стремишься познать Его». При этих мыслях слезы выступили у меня на глазах. Я воздел руки к звездному небу и сказал из глубины сердца:

— О Бог, великий Творец, я взываю о помощи. Прошу Тебя, веди меня к свету и истине или же измени меня так, чтобы я больше не хотел знать правды. Почему Ты молчишь, о Боже? Я слышал о Тебе. Я читал о Тебе. Теперь мне нужно слышать Тебя. Мне нужно, чтобы Ты вел меня...

Больше я ничего не мог сказать, я просто плакал, одинокий в лунном свете.

Неподалеку была река, и это, как всегда, придало моему сердцу мир и спокойствие. Я медленно встал на ноги и побрел обратно в город. И тут случилось что-то странное. Я вдруг ясно ощутил, что не один. Кто-то был со мной в этой ночи. Я вернулся, наполненный новой силой продолжать мои поиски истины.

Несколько дней спустя отец повел меня к издателю журнала *Алфуркан* («Истина»). Его звали Маулана Абул-Атта, он был уважаемый человек в нашем городе. После приветствий отец сказал:

— Я привел своего сына в надежде, что вы дадите ему совет. Может быть, он послушает вас. Он нуждается в мудром руководстве.

Через некоторое время отец оставил нас, и *маулви*, проповедник, сказал мне:

— Похоже, твой отец очень сердит на тебя. В чем дело, Масуд?

В его голосе звучала искренняя заинтересованность, однако он продолжал заниматься своими бумагами, поэтому я молчал. Он поднял глаза и снова спросил:

— О чем это ты говоришь в городе? Кто тебя научил говорить такие вещи? Ты же еще мальчик, тебе всего семнадцать лет. Не так часто встретишь парня твоих лет, который задает такие вопросы. Я думаю, тебя ввели в заблуждение другие мусульмане, не так ли? Я слышал, тебя заманивают христиане, ты изучаешь христианство. Ну скажи, Масуд, неужели ты рассчитываешь научиться чему-то хорошему от этих презренных «пасторов» и «преподобных»? Они ходят к мусорщикам просто чтобы набить брюхо. Они даже не знают, почему называют себя христианами, разве что потому, что их отцы были так называемые «христиане».

Он ждал от меня ответа. Я старался собраться с мыслями для ответа, но он опередил меня:

— Почему ты молчишь? Должно быть, я прав, когда говорю, что эти люди втянули тебя в твои «поиски» и что они причина всего разлада. — Он посмотрел на меня проницательным взглядом.

Я набрался храбрости и сказал:

— Это не так, маулви Саиб. Все эти исследования я проводил самостоятельно, читая книги. Я спрашивал у старших совета; как видите, я пришел к вам. Никто не приходит ко мне и не учит меня.

Я был доволен своим ответом, но он прервал меня:

— Что же ты хочешь знать, Масуд? Чего ты на самом деле хочешь?

Я смело ответил:

— Найти религию, которая существует и будет существовать вечно.

— Это ислам, конечно, — коротко сказал он.

— Но, учитель, даже ислам разделен на секты и группы. Мы с вами принадлежим к группе, которую исламские ученые называют не мусульманской, а языческой. А что будет, если им удастся провести закон против нас, и нас признают не мусульманами? — Я был взволнован. Тогда я, конечно, не знал, что так и произойдет в Пакистане несколько лет спустя.

— Сынок, — сказал он безо всякого гнева, — это не имеет значения. У нас, ахмадийцев, есть та правда, которую ты ищешь. Мы поможем тебе, но для этого ты должен прийти к нам с верой.

Я хотел продолжать разговор, но он вернулся к своим бумагам, показывая своим видом, что беседа окончена. Прощаясь, он дал мне пару антихристианских книг и свой журнал и предложил зайти к нему через два дня.

Я продолжал время от времени посещать христианский квартал, где впервые беседовал с христианским проповедником, и как раз на следующий день после встречи с *маулви* мне представилась такая возможность. Я шел по узкой грязной улочке к домам мусорщиков, с нетерпением ожидая собрания. Пастор обещал принести мне кое-какие книги. Я незаметно проскользнул во двор и вошел в дом как раз к началу богослужения. Пастор сердечно приветствовал меня, и я вместе с христианами стал слушать проповедь. Добрый человек говорил об Иисусе как о любящем Спасителе и Друге. Как и раньше, я был поражен исходящим от пастора духом любви. Он просто, от сердца проповедовал Слово Божие. Я вспомнил, как однажды

он сказал мне: «Сынок, у меня не очень много знаний, но я хочу поделиться той истиной, которую знаю».

После проповеди он дал мне две книги. Одна из них называлась «Мирза Гулам Ахмад и Кадиани: разоблачение». Мы немного поговорили о Евангелии, и я заторопился домой. Я не стал терять время и сразу же стал читать одну за другой обе книги, которые мне дал пастор. Когда я оторвался от чтения, было уже поздно. Я был в замешательстве. Все подозрения относительно основателя секты ахмадие, которые в последнее время стали возникать у меня, все более становились похожими на правду, и я не знал, что думать.

Как было условлено, через пару дней я пошел навестить Маулану Абул-Атта в его контору. На этот раз там сидел еще один, по-видимому, весьма ученый господин. Были там и еще какие-то люди. После обмена приветствиями я начал:

— Господин, правда ли, что Мирза Гулам Ахмад называл себя Богом и заявлял, что он величественней Мухаммеда?

Маулви резко парировал:

— Что за бессмыслицу ты говоришь?

Я был готов к такой реакции и ответил:

— Разве неправда, что в его книге *Аипа Камалат Ислам* говорится, как он имел видение, что он — Бог, и поверил этому? Он говорит, что это он создал небо и землю!

С некоторой опаской я достал листок бумаги, на котором выписал соответствующие места из книги, и протянул ему. Он взял листок и бегло взглянул на него.

— С одной стороны, — сказал я,— Масих-Маод говорит о себе как о Боге: а с другой — он ясно утверждает, что человек, рожденный женщиной, но называющий себя Богом, хуже, чем прелюбодей (*Ноор ул-Коран*, часть 2, стр. 12)

Двое пожилых мужчин переглянулись, и один из них спросил меня:

— Ты читал эти книги?

— Нет, — признался я.

— Так откуда же ты узнал все это? Тебе кто-нибудь помог?

Несколько молодых людей моего возраста здесь же, в конторе, помогали связывать кипы журналов ахмадие. Они подались вперед, желая услышать мой ответ. Я не стал врать и признался, что прочитал это в книге «Мирза Гулам Ахмад и Кадиани: разоблачение», которую мне дал пастор.

— И ты веришь книге, которую тебе дали христиане?

Второй старик сказал сердито:

— Юноша, если ты будешь продолжать в том же духе, ты сломаешь себе жизнь! Ты потеряешь свою религию, а мир отвернется от тебя.

Я поблагодарил его за предостережение и добавил твердо:

— Господин, я хочу получить ответы, и *маулви* обещал дать мне наставления; поэтому я здесь. — После этого эти двое немного остыли.

Маулана Абул-Атта решил вернуться к спору.

— Масуд, было бы хорошо, если бы ты прочитал эти выдержки, которые дал нам, в их контексте. Я дам тебе другие книги, но, кроме того, имей в виду, что Мирза Гулам называл себя Богом, находясь под вдохновением. На самом деле он, конечно, не был Богом.

Он заколебался, и я понял, что он не хочет говорить слишком много в присутствии молодых людей, чтобы не подорвать их веру. Он передал мне книги, которые я взял с тяжелым сердцем, чувствуя, что снова не получил ни просветления, ни помощи, ни полезного совета. Я чувствовал, что во мне поднимается недовольство из-за нежелания старших смотреть в лицо моим реальным затруднениям. Никто из них не желал помочь мне в поисках истины. Они хотели только одного: чтобы я слепо верил тому, чему меня учили в детстве. Взяв книги, я попрощался и ушел.

Я занялся чтением книг, которые мне дал *маулви*. Я чувствовал, что семья не довольна мной, однако отец ничего не говорил. Возможно, он надеялся, что, если я буду читать

книги ахмадие, это убедит меня прекратить изыскания. Это было безнадежное занятие, но я был настойчив и дня за три прочитал все эти книги. После этого я продолжал изучать их еще несколько месяцев, пока не настало время сдавать экзамены. Несмотря на возражения отца, я решил поступать в светский колледж, и теперь заканчивался последний год моего пребывания здесь.

После сдачи экзаменов однажды вечером я отправился навестить своего друга пастора, который обычно приезжал проводить службу у христиан. Он жил в другой деревне, и время от времени приезжал проповедовать Слово Божье в Рабвах. Когда в этот вечер я пришел к бусти, месту, где они жили в своих бедных хижинах, то услышал шум и увидел разъяренную толпу. Мне сказали, что несколько парней из ахмадие напали на пастора, когда он вышел из автобуса, избили его и заставили вернуться в свою деревню. Стоящие вокруг меня мужчины и женщины были настроены против меня, они кричали, что все это случилось из-за моего интереса к христианству и что я — позор ахмадийской общины.

В тот же день мой отец был вызван в организацию Амоор-и-Ама, которая неофициально занимается надзором за членами общины. Эта организация имеет вполне реальную власть над жизнью верующих ахмадийцев, и все члены общины относятся к ней весьма серьезно. Разговор с моим отцом был коротким.

— Ваш сын переходит границы, — сказали ему. — Он зашел слишком далеко в своих антиахмадийских изысканиях, и мы не можем больше терпеть этого. Вы должны сказать ему, что если он не прекратит свою деятельность, это повлечет очень серьезные последствия.

Отец был рассержен. В этот вечер он злорадно сказал мне, что «мой друг пастор» больше не будет приезжать в Рабвах служить у мусорщиков.

Я попытался выразить протест, но отец злобно засмеялся и сказал:

— У нас достаточно длинные руки, чтобы искоренить всякое отступничество.

Я почувствовал холодок страха, но храбро ответил:

— Папа, даже мусульмане называют нас язычниками. Они говорят, что отступники — это мы. Мы строим свои отдельные мечети и не поддерживаем отношений с другими мусульманами. Разве не странно, что мы берем ясные стихи из Корана и Хадиса, данные нам изначально, и используем их по своему желанию? Коран учит, что пророк Иисус вознесся на небо, мы же пытаемся доказать, что он умер в Кашмире, где до сих пор можно видеть его могилу. Формально мы верим, что Мухаммед — последний пророк, но сегодня мы ценим Хазрата Масих-Маода (Мирзу Гулама Ахмада) выше Мухаммеда.

С одной стороны, мы проповедуем мусульманам и говорим им, что Гулам Ахмад — это махди, великий вождь, которого ждали сотни лет, и этим способом надеемся привлечь их к себе. С другой стороны, мы говорим христианам, что Мирза Гулам Ахмад — это второе пришествие Христа. Мы даже говорим индусам, что Мирза Ахмад — это их Кришна, которого они ожидают. Раньше у нас были общие с другими мусульманами учения о вдохновении, откровении, видении и пророчестве, но теперь у нас свои понятия обо всем этом, нужные для того, чтобы объяснять то, что никогда не будет ясным!

Папа, что все это значит? Я не могу понять, но я хочу понять. Я должен знать правду!

Лицо отца стало красным как кирпич; он вскочил, намереваясь сбросить на пол все книги со стола. Увидев среди них Коран, он остановился, но вместо этого схватил меня и стал с силой бить головой о стену, крича:

— Ты грязная, нечистая тварь! Сегодня я не оставлю тебя в живых! Я сам отправлю тебя в ад!

Превозмогая боль, я вырвался и бросился к двери. Я выбежал на улицу, но он догнал меня. Прежде чем я смог убежать, он схватил меня за горло и стал душить изо всех сил. Я пытался кричать, вырывался у него из рук, но он держал меня мертвой хваткой.

Я почувствовал, что глаза стали вылезать из орбит и перед ними замелькали красные вспышки. Я слышал, как громко закричала моя сестра Джамиля. Вероятно, люди услышали ее крик и увидели все происходящее. Они бросились ко мне, чтобы спасти от бешеной ярости отца. Я почувствовал, что железный обруч на моем горле ослаб, и попытался говорить, но из меня вырывалось только хриплое шипение. Голосовые связки были повреждены.

Люди отвели меня в ближайшую мечеть. Я сидел там на веранде, босой, дрожащий от холода и потрясения. Спустя некоторое время пришел лидер нашей общины и стал уговаривать меня помириться с отцом и прекратить занятия. Стоящие вокруг люди говорили то же самое. Я подумал, что если это расплата за мои занятия, то они того не стоят, но не сказал им. Я вообще ничего не мог сказать. Горло сильно болело, и некоторое время я не мог членораздельно говорить.

В конце концов меня отвели домой, но, как выяснилось, отец не желал впускать меня. Только после того, как я попросил прощения и обещал прекратить свои изыскания, он неохотно позволил мне войти. Хотя на словах я согласился на его условия, в моем сердце было пусто и одиноко. Я чувствовал себя так, как будто меня кто-то предал.

Через несколько дней было христианское Рождество, 25 декабря 1968 года. В этот день я снова встретился с моим другом Ахмедом. Он настоял, чтобы я пошел к ним домой. По дороге он шутил, спрашивая у меня, получил ли я в этот день подарок. Дело в том, что в этот день пакистанцы отмеча-

ют день рождения основателя нашего государства, Мухаммеда Али Джиппаха. Когда мы пришли, отец Ахмеда был дома, но, как мне показалось, мои недавние поступки повлияли на его прежние теплые чувства ко мне, он сразу же извинился и ушел. Мы были в доме одни — мать Ахмеда уехала в Равалпинди к своей дочери, которая только что родила ребенка. Ахмед стал давать мне те же советы, что и другие.

— Масуд, брось свое упрямство. Ничего хорошего из этого не выйдет. Ты только сделаешь свою жизнь несчастной.

— Я не упрямлюсь, Ахмед. Я должен отыскать ответ. Мне не нужна ложь. Я хочу правды и не успокоюсь, пока не получу ее. Я хочу, чтобы взрослые знали, что они ошибаются!

Моя гордость больно задела Ахмеда. Впервые в жизни он закричал на меня:

— Прекрати это, Масуд! Неужели ты совсем потерял уважение к старшим? Скажи спасибо, что ты мой друг, иначе я бы побил тебя!

Я почувствовал сожаление, что причинил боль другу.

— Прости, Ахмед, Мы не должны быть грубыми друг с другом. Ради нашей дружбы помоги мне в моих поисках истины.

Однако Ахмед не хотел исполнить мою просьбу.

— Ты обещал отцу прекратить все это, разве не так?

— Это правда, — согласился я, — но меня заставили сделать это. Я не согласился на это добровольно, и это обещание не связывает меня. Теперь мои исследования будут подпольными, и я хочу, чтобы ты помог мне.

Ахмед казался испуганным. Он знал, что случится, если откроется, что он помогает мне.

— Я не могу помочь тебе, Масуд. Я твой друг, но религия для меня важнее дружбы. Я не позволю тебе сказать ни слова против нашей веры. Кроме того, все, что ты говоришь, нуждается в доказательствах.

Я был огорчен трусостью друга.

— Дай мне карандаш и бумагу! — потребовал я. Он достал бумагу. Я вытащил из кармана список вопросов и написал на листке: «Гулам Ахмад учит, что Христос умер и похоронен в Кашмире».

— А теперь, Ахмед, взгляни: мы, мусульмане, верим, что наш пророк не может ошибаться, но посмотри, какие ошибки Гулам Ахмад делает в связи с этим.

Я взял карандаш и написал:

«1. Избежав смерти на кресте, Иисус пришел в Кашмир, жил там 80 лет и умер в возрасте 120 лет. Но в другой, более ранней книге *Азала-Аухам*, Гулам Ахмад предполагает, что Иисус умер в Палестине (стр. 473).

2. В книге *Таблай-Рисалет*, том 8, указан возраст Христа — 125 лет.

3. В книге *Тазкира Ал-Шахадатен* записано, что Иса, сын Марии, прожил 120 лет после распятия».

— Мирза Гулам Ахмад написал эти три совершенно разных утверждения. Чему мы должны верить? Что Бог ошибается? Или Гулам Ахмад? Но есть кое-что более интересное, Ахмед. Иисус проповедовал и совершал чудеса в Иерусалиме, Иудее и Самарии всего три с половиной года. Исторические книги полны упоминаний об этом, свидетельства о Его жизни и служении сохранились до сих пор.

Не кажется ли тебе странным, что хотя Он, как утверждается, жил и проповедовал в Кашмире от 80 до 120 лет, Он не оставил здесь учеников и последователей? Исследования показали, что так называемая могила Иисуса в Кашмире вовсе не Его, а могила принца Юз Азефа! Что ты об этом думаешь, Ахмед? Все это очень странно!

Я замолчал. Ахмед задумчиво смотрел на меня.

— Масуд, — сказал он, — я посмотрю, что об этом пишут в книгах. Но здесь у меня нет этих книг. Мне нужно взять их в библиотеке.

Мы поговорили еще, пока не пришел его отец, затем я попрощался и ушел. Я до сих пор сожалею, что Ахмед не сдержал слова и не принес мне этих книг.

6

Я отстаиваю свою позицию

В сентябре 1969 года произошло событие, заставившее меня во весь голос заявить о своей позиции. Оглядываясь назад, я благодарю Бога за то, что не знал тогда, к чему это приведет. Иначе, возможно, я бы не сделал этого.

Все случилось после иша, последней дневной молитвы, в мечети Рабваха. После молитвы началось собрание, посвященное жизни пророка Мухаммеда. В мечети осталось довольно много людей, и среди них было несколько известных своим озорством парней. Я знал, что они пришли просто от скуки. Время от времени я замечал, что они поглядывают на меня и о чем-то шушукаются.

Поскольку собрание было открытым, разные люди, молодые и пожилые, по очереди выходили вперед для выступления. Последним выступающим был бывший суннит, последователь одной из двух крупнейших ветвей ислама, ставший затем ахмадийцем. Он производил внушительное впечатление. Его представили, и он начал свою речь:

— Сегодня мы рассмотрели жизнь Мухаммеда с нескольких различных точек зрения. Я хотел бы посвятить речь тому, что говорят о нем Тора (Закон) и Инджил (Евангелие).

Я выпрямился, очень заинтересованный. Мне было очень любопытно, что собирается сказать этот человек. Насколько я

знал из своих исследований, в Инджил ни слова не говорится о Мухаммеде!

В руках у него была Библия, он открыл 18-ю главу Второзакония и начал:

— Бог сказал Хазрату Моса (пророку Моисею), что воздвигнет пророка из среды его братьев. Здесь написано: «Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что я повелю Ему» (Втор. 18:18). Этот пророк — Мухаммед, да будет мир ему, — смело заявил он, — и именно о нем говорит это пророчество, Мухаммед — потомок Измаила, а Измаил — брат Исаака.

Я слушал, но не верил; все это казалось мне неверным. Проповедник продолжал:

— И Моисей, и Мухаммед родились среди идолопоклонников. И тот, и другой сначала не пользовались уважением и доверием у своих соплеменников, которые лишь позднее поняли, что это были истинные пророки. Оба бежали из своей страны и оба боролись против язычества. Оба пришли в мир, чтобы дать ему Закон Божий.

Он перелистал Библию и открыл Новый Завет.

— Хазрат Иса (пророк Иисус) также пророчествовал о Мухаммеде.

Он открыл Евангелие от Иоанна и прочитал 16-й стих 14-й главы: «Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек».

Насколько я знал, христиане относят эти слова к Святому Духу, однако интерпретация, приведенная проповедником, широко распространена среди мусульман. Он продолжал:

— Далее, в стихах 25–26 этой же главы написано: «Сие сказал Я вам, находясь с вами. Утешитель же, Дух Святый, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам».

В стихе 26-м главы 15-й Иисус говорит: «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне».

Было очевидно: оратор старается доказать, что Дух Святой — это Мухаммед! Он продолжал цитировать 16-ю главу Евангелия от Иоанна, приводя, как он думал, все более сильные аргументы; во мне же все сильнее разгорался гнев против такого обращения с Евангелием! Я вспомнил, как рассердился отец, когда я сказал ему, что ахмадийцы поступают нечестно, используя цитаты из Евангелия в своих целях. Но я слушал дальше.

— Хотел бы напомнить вам, братья, что все эти предсказания воплотились в пророке Мухаммеде, да будет мир ему. Мухаммед — тот, кто все донес до нашей памяти. В Коране он напомнил нам истины об Иисусе, Его жизни и смерти, о том, что Он был рожден Девой Марией и совершал чудеса. Он напомнил нам об истинном положении христиан и иудеев; он привел все важнейшие пророчества от Адама до своего времени. Он действительно привел нас к истине и дал нам прекрасный закон, по которому мы живем.

Если бы он остановился на этом, было бы более чем достаточно, но он не остановился! Он стал говорить, что исполнились пророчества не только о Мухаммеде, но и о Мирзе Гуламе Ахмаде, основателе секты ахмадие. Он сказал буквально следующее:

— Второе пришествие Христа осуществилось в Мирзе Гуламе Ахмаде. Он Махди-Маод, великий вождь, и Масих-Маод — обещанный мессия. Он — сущность всех пророков, и он явился нам в эти последние дни с вечным посланием мира и безопасности!

Сказав это, он сел.

Слушая это потрясающее нагромождение лжи, я ощущал тяжелую пульсацию крови в венах. «Что за вздор!» — сказал я себе, и вдруг сердце озарилось радостью от того, что я не верил

всей этой чепухе. Я чувствовал, что кто-то внутри побуждает меня говорить. «Масуд, встань. Пора сказать правду, которую ты знаешь. Выскажи всем, иначе твои голова и сердце не выдержат!» Голос звучал совершенно реально; вдруг откуда-то издалека, как сквозь сон, я услышал, что ведущий сказал:

— Желает ли еще кто-нибудь обратиться к собранию?

Как будто он говорил это лично мне! Когда он произнес эти слова, по толпе пробежал ропот неодобрения, и его лицо приняло такое выражение, словно он чувствовал, что сказал что-то не то. Но я был уже на ногах. У меня возникло ощущение, что тот самый «кто-то», кто говорил во мне, взял меня под локти и поставил на ноги. Я спокойно прошел к месту, где выступали ораторы. Проходя мимо только что говорившего проповедника, я попросил у него Библию, и он любезно дал мне ее.

Я чувствовал на себе взгляды всех собравшихся. Неподалеку от меня сидел председатель. Обведя глазами собрание, я начал говорить. В этот момент какая-то сила начала управлять моим языком; я никогда не забуду то, что через меня было сказано в тот день.

— Уважаемые слушатели! Каждый день мы сталкиваемся с чем-то новым, узнаем новое. Возможно, и сегодня вы услышите что-то новое для вас. Мы только что выслушали господина, который утверждал, что верит в Библию, которую он цитировал, и в то, что она не извращена, хотя мусульмане и ахмадийцы говорят, что Библия извращена.

Я замолчал и взглянул на Библию, которую держал в руках. Я знал, что говорю то, что вряд ли понравится собравшимся. Я знал, что, по их мнению, восемнадцатилетний мальчишка не имеет права говорить такое, особенно публично. Но я продолжал:

— Я должен спросить этого господина: если, как он сказал, это правда, что Второзаконие 18:18 говорит именно о Мухаммеде, то почему же тогда люди, жившие во времена Христа, указывали на Иисуса как на воплощение этого пророчества?

Евангелие от Иоанна, 1:45, ясно говорит: «Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писал Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета». Люди времен Иисуса говорили, когда видели Его чудеса: «Это истинно Тот Пророк, Которому должно прийти в мир». (Ин. 6:14). И в Деяниях Апостолов Стефан и Павел, говоря о Христе, указывают на то же пророчество. Иисус Сам говорил о Себе так: «Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне» (Ин. 5:46).

Я встретил враждебные взгляды слушателей, но внутреннее побуждение говорить было слишком сильным.

— Теперь перейдем к предполагаемому сходству между Моисеем и Мухаммедом. Нам сообщили некоторые факты, но не сообщили других. Например, во времена Моисея царь Египта умертвил еврейских младенцев, но было ли то же самое во времена Мухаммеда? Нет, не было. Моисей говорил с Богом, ему был дан титул Калим ул Аллах, тот, кто говорит с Богом (Сура 19, ст. 52, Сура 4, ст. 164).

Братья, Коран говорит, что Мухаммед получал послания от Бога через архангела Гавриила. Далее, пророк Моисей совершал чудеса, а пророк Мухаммед — нет. Я даже сказал бы, что тот, кто утверждает, будто Мухаммед совершал чудеса, говорит, что Коран лжет! Ибо разве неправда, что в Коране ни разу не упоминается способность Мухаммеда совершать чудеса?

Теперь обратимся к Евангелию от Иоанна, из которого нам только что было «показано», что Мухаммед — это Святой Дух, обещанный Иисусом. Ведь правда, что в наших книгах Мирза Гулам Ахмад сам представляется как Святой Дух. Уже здесь мы имеем противоречие. Между прочим, что же на самом деле значит этот стих, Иоанна 14:16? Кто этот «другой Утешитель»?

Во-первых, как мы можем принимать этот стих, если он ясно ссылается на Бога как на Отца? Мы противники доктрины Бога как Отца, как же мы можем вообще принимать этот стих?

Во-вторых, каково же настоящее значение этого утверждения Иисуса? Очевидно, Он настолько важная личность, что, когда Он попросит Отца, Отец в ответ на Его просьбу даст Духа Святого. Мы, мусульмане, утверждаем, что пророк Мухаммед выше Иисуса, но мог ли Мухаммед молиться такой молитвой? Иисус сказал ясно: «...если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам». Эти слова мы находим в Евангелии от Иоанна 16:7.

Я перевернул еще несколько страниц Евангелия. Я был уверен, что Сам Бог показывает мне, какие места Библии следует читать!

— Далее, в Евангелии от Иоанна 14:16 говорится, что Дух Святой придет и «пребудет с вами вовек». Без сомнения, эти слова имеют самое прямое значение, то есть они означают, что Дух Святой будет жить с нами вечно. Может ли это относиться к Мухаммеду? Он прожил в этом греховном мире 62 года! Может ли кто-нибудь сказать, что 62 года — это вечность?

Люди во дворе мечети переглядывались. Я знал, что они думают обо мне. На лицах одних я видел открытую ненависть, другие беспокойно ерзали на месте. Но я надеялся, что хоть кто-нибудь из них задумается о том, что я говорю, и продолжал:

— Пожалуйста, обратите внимание на Иоанна 16:13, где о Святом Духе говорится, что Он «не от себя говорить будет, но будет говорить, что услышит». Вероятно, это можно отнести к Мухаммеду, ибо он действительно говорил то, что получал с небес, но как быть со следующим стихом? «Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам».

— Братья, Коран свидетельствует, что Дух сходил на Мухаммеда от Бога через Гавриила. В настоящее время ахмадийцы верят, что Дух Святой — это Мухаммед и, следовательно, это о нем Иисус сказал; «...не от себя будет говорить... Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет...». Но если это так, мы должны заключить, что Бог — это Христос или что

Христос — Бог. Но для нас признать это совершенно невозможно! Мусульманин не может иметь таких мыслей! Но если Христос не Бог, как же Святой Дух может быть Мухаммедом? Если мы соглашаемся, что Святой Дух — это Мухаммед, мы должны поверить, что Коран был дан Мухаммеду Христом и что Христос — Бог!

Возможно, вы все еще остаетесь при своем мнении. Но давайте посмотрим, что говорится о Духе Святом в Деяниях Апостолов. Один из учеников Иисуса, Петр, трижды отрекся от Него, но когда сила Духа Святого сошла на этого человека, у него хватило мужества обратиться к огромной толпе: «Мужи Израильские! выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельст-вованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас... Сего... вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили.. Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли» (Деян. 2:22–23, 36).

Я был поражен, с какой смелостью прочитал эти пламенные слова. Держа в руках книгу, из которой только что прочитал их, я ясно ощущал силу Божьего присутствия. Да, Бог в этот вечер присутствовал здесь, в мечети. Я на мгновение задержал дыхание. Какие же еще слова должны последовать за словами Петра? Я чувствовал, что в заключение должен сказать: «Братья, почему же мы продолжаем слушать ложные учения и ведем споры, не приводящие к истине?»

Если бы я остановился на этом, уверен, все было бы хорошо, но я продолжал говорить. Я почувствовал себя великим, мое сердце наполнилось гордостью от того, что Бог был со мной. Будучи молодым и глупым, я поддался этой гордости и с поспешностью набросился на утверждение, что Гулам Ахмад был Мессией или Христом.

— Какова же истина, в которую мы верим? Я слышал учение о том, что наш основатель, Мирза Гулам Ахмад, приходил

как Христос. Если это так, то, господа, смею вас спросить, что же случилось со всеми знамениями, о которых говорит нам Библия? Ученики Христа предсказывали, что, когда придет Иисус, «небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся». В другом месте записано: «Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око».

Очевидно, что немного людей на земле знают о Мирзе Гуламе Ахмаде. Если верить учению ахмадие, то до своей смерти он должен был бы всех христиан сделать мусульманами. Но произошло ли это?

Я снова спрашиваю: в какую же истину мы должны верить?..

Дрожь пробежала по моему телу. В сердце шевельнулся страх; голос внутри меня сказал: «Масуд, остановись! Сядь!»

Ноги мои дрожали, но я все еще пытался что-то сказать. Как сквозь туман я видел, что толпа заволновалась; ко мне шел отец. Ударом кулака он свалил меня с ног. Люди устремились ко мне. Каждый старался ударить меня кулаком или ногой. К счастью, темнота опустилась на меня, и я потерял сознание.

7

Побег

Я пришел в себя в палате местной больницы. У меня кружилась голова. Оглядевшись вокруг, я увидел койки с другими больными и понял, что нахожусь в общей палате. Я попытался приподняться, но не смог пошевелиться. Снаружи я слышал шум движения по главной дороге. Я чувствовал себя слабым, как новорожденное дитя.

Вошла сестра со шприцем. Не говоря ни слова, она сделала мне укол, и через несколько мгновений я уже как бы парил в воздухе! Затем я, скорее всего, уснул, потому что, когда в следующий раз открыл глаза, возле моей кровати стоял Ахмед и очень хмуро смотрел на меня. С ним было еще два парня. Я попытался улыбнуться Ахмеду, но из-за слабости и головокружения не смог. Один из парней громко засмеялся и сказал:

— Вот куда привела его запальчивость! В следующий раз не будет таким смелым.

Второй кивнул и добавил:

— Он и в самом деле великий человек. Два дня прошло, а он еще жив, хоть и прикован к постели.

Из этого я сделал вывод, что нахожусь здесь уже третий день.

Ахмед жестом попросил их уйти. Когда они наконец вышли, он сел на стул возле кровати и сказал:

— Масуд, зачем ты губишь свое будущее? Твои сумасбродные выходки скажутся не только на тебе, но и на твоих родных.

Подумай о них, Масуд. Еще есть время положить конец всему этому. Ты можешь признать, что был неправ и хочешь встать на правильный путь. Сделай это, брат, и все у тебя будет хорошо.

Мне стало грустно, когда я услышал его слова и увидел его любовь ко мне. Он помог мне сесть на постели. Со слезами на глазах я спросил:

— Ахмед, ты тоже считаешь меня лжецом? Почему вы все считаете меня врагом? Не могу понять, что я сделал плохого! Я чувствовал, что кто-то внутри меня требует, чтобы я сказал это. Я чувствовал, что должен говорить.

Ахмед осуждающе нахмурился:

— Масуд, ты действительно лжец. Этот кто-то имеет плоть и кровь, и ты это знаешь! Кто-то научил тебя сказать все это, не так ли?

Я знал, что, несмотря на эти слова, он глубоко переживает за меня. Было видно, что он не верит мне и сильно огорчен. Я снова попытался объяснить.

— Ахмед, понимаешь, пока я там, в мечети, был послушен этому голосу внутри меня, все слушали. Никто не произнес ни слова. Ты же знаешь. Но как только я стал говорить от себя, я пропал! Они побили меня, я потерял спокойствие, уверенность в мыслях — и они начали бить меня, Ахмед.

Я с надеждой взглянул на него. Я ожидал, что на этот раз он поймет меня. Но он вскочил, рассерженный:

— Теперь я вижу, что ты и вправду сумасшедший. Доктор прав, тебя надо отправить в психиатрическую больницу.

Он отвернулся и, не попрощавшись, вышел из палаты. Я был расстроен его демонстративным уходом, но больше всего меня встревожили его слова о докторе. Может быть, меня уже начали лечить как психически больного? У меня было тяжелое чувство, как будто вот-вот что-то произойдет. В страхе за свое будущее я потихоньку плакал, слишком взволнованный даже для того, чтобы помолиться.

Через несколько минут вошла сестра, чтобы проверить мой пульс. Повернувшись к двери, чтобы видеть, если кто-то вдруг неожиданно войдет, она медленно и четко произнесла:

— Будь осторожен! Не ешь здесь ничего. Сегодня в три часа ночи выйди в туалет. Там ты найдешь свою одежду. Оденься и беги, не оставайся здесь.

Она вышла, а я лежал почти бездыханный. Мгновенно я забыл все, что говорил мне Ахмед. Что будет со мной? Что она сказала? Я стал молить Бога о помощи. Как медленно тянулось в тот день время!

Кто эта девушка? Просто сестра? Лежа в постели, я думал о ее странном предупреждении и пришел к заключению, что она говорила правду. От этой мысли у меня сжалось сердце. Откуда она знает? Должно быть, ее послал Бог. Он послал своего «ангела», чтобы предупредить меня!

Вечером мне принесли еду. Я посмотрел на нее с подозрением. Мне очень хотелось есть, но в ушах звучало предупреждение: «Не ешь здесь ничего!» Я снова взглянул на еду. Неужели они в самом деле решили отравить меня? Я знал, что бывали случаи, когда отступников убивали тем или иным способом. Неужели я действительно потерял все? А ведь я даже не понимал ясно, во что верю. Украдкой я сгреб еду в пластиковый пакет и сунул в тумбочку. Сделав это, я стал молиться. Снова и снова я просил Бога защитить меня. Я читал по памяти стихи из Корана. Минуты казались часами. Когда кто-нибудь подходил к двери взглянуть на меня, я притворялся спящим.

Ночь тянулась бесконечно. В палате горел ночник, чтобы дежурная сестра могла видеть всех. Около трех часов дверь тихонько открылась, и кто-то еле слышно позвал меня. Я выскользнул из постели и с громко бьющимся сердцем на цыпочках пошел в туалет. Там я нашел свою одежду — рубашку и брюки, в которых был в тот день в мечети, — и надел их. Выйдя из туалета, я увидел своего «ангела». Она торопливо сказала:

— Если ты пойдешь в дальний угол сада, то сможешь залезть на стену и спрыгнуть с нее. Не бойся, там невысоко. В 4.30 идет автобус, ты доедешь на нем до Лиалпура. Оттуда на другом автобусе доберешься до Лахора. У тебя в кармане адрес — там ты будешь в безопасности. Я еще положила немного денег. Моя мама живет там, и она поможет тебе. Я написала ей письмо и все объяснила. Отдай ей его, как только приедешь.

Я был удивлен и сконфужен. Все это напоминало мне приключение из детской книжки. Почему эта девушка помогает мне? Почему заботится обо мне? Более чем когда-либо я был уверен, что это Бог послал ее. Запинаясь, я поблагодарил ее.

Она подтолкнула меня к выходу.

Я спросил:

— Почему ты делаешь это?

Она быстро сказала:

— Нет времени на разговоры. Ты в опасности. Сегодня утром приходил один большой начальник, и я слышала, как он сказал доктору, что тебя нужно убить.

В ее глазах засверкали слезы, и тут она произнесла нечто странное:

— Таким образом, брат мой, ты останешься жив. Да сохранит тебя Бог!

Она исчезла, прежде чем я смог поблагодарить ее. Я стал красться по коридору. К счастью, никто не слышал моих шагов. Выйдя в сад, я осторожно прошел через лужайку. Больничный сторож сидел на табуретке возле ворот и дремал. От него меня скрывали кусты. Однако он мог заметить мою тень на стене, поэтому я постарался скорее обогнуть кусты и тут же попал в кучу навоза. Запах бы ужасным. Я глянул на сторожа — он все так же дремал. Я полез на стену. На мгновение я задержался, боясь прыгать вниз, но тут залаяла собака, и я прыгнул в страхе, что меня заметят на стене. Я упал в какой-то мусор у подножия стены, недалеко от дороги. Кусками стекла я порезал

руки, но все-таки мне повезло, поскольку я упал на большую картонную коробку, которая спасла мою и без того грязную одежду. Я вскочил и бросился в ближайшую тень. Никто не окликнул меня. Я был в безопасности.

Несколько минут спустя я встал и пошел по главной дороге в сторону Чиниота, что в пяти милях от Рабваха.

Луна не освещала моего пути. Несколько раз в темноте мне удавалось различить фигуры одетых в униформу охранников из Пенджабской службы безопасности и видеть их *латис* — палки, которыми они могли бить нарушителей, но большинство из них спало. Я тихонько обходил их и шел дальше неслышными шагами по пыльной дороге. Каменистые холмы вокруг Рабваха были окутаны тьмой. Я не знал, смогу ли еще когда-нибудь вернуться сюда. После дневной жары ночная прохлада была приятной, и в другое время я бы наслаждался столь поздней прогулкой — но не в эту ночь.

Мне было страшно. Я был уверен, что если меня поймают при попытке к бегству, то непременно убьют. Подумав об этом, я бросился бежать, желая очутиться как можно дальше от Рабваха, и бежал до полного изнеможения. В больнице я немного ослабел и теперь пожалел, что не сел в автобус. Но чем больше я думал о плане больничной сестры, тем яснее мне становилось, что в автобусе я не был бы в безопасности. Поэтому я решил идти в Чиниот, где мог сесть на утренний поезд до Лахора. Казалось, снова кто-то изнутри руководит моими действиями и побуждает меня поступить именно так, и это давало мне ощущение мира и покоя даже на этой пыльной дороге.

Ранним утром, час с небольшим спустя, я добрался до железнодорожной станции. Вывеска «Чиниот» над дверью станции приветствовала меня. Маленькое здание уже было наполнено гулом голосов. Люди пили горячий сладкий чай. Говорят, что в Пакистане железнодорожные станции никогда не спят, и это правда. Я стал в хвост длинной очереди и в конце концов

купил билет до Лахора. Через несколько минут тепловоз издал длинный гудок, и мы медленно тронулись в сторону Лахора.

Поезд был набит битком, даже в проходах стояли люди. Это было выгодно мне: в толпе я чувствовал себя в безопасности. Через одну-две станции давка уменьшилась, и я смог найти место. На остановках люди выходили размять ноги и купить себе еды на завтрак. Носильщики, кули, проталкивались с громкими криками сквозь толпу, неся на голове тяжелые корзины и свернутые постели. Из-за волнения я не чувствовал голода, хотя не ел уже много часов. Но я тоже купил себе чаю. Прохладным утром эта сладкая, как мед, обжигающая жидкость казалась очень вкусной. Ночные страхи остались далеко позади, но я чувствовал себя подавленным и одиноким. Хотя одиноким я не был.

Я вытащил из кармана письмо, данное мне в больнице сестрой, и прочитал адрес: Нисбет Роуд, Лахор. Конверт не был заклеен, поэтому я достал письмо и прочитал его, очень желая знать, что же она пишет обо мне. Она писала матери, что в Рабвахе у меня возникли проблемы, из-за которых мне пришлось срочно уехать. Она просила позаботиться обо мне и послать к одному из братьев матери. Пообещав написать еще, она поручала меня ее заботам.

Аккуратно сложив письмо, я сунул его в конверт. После чтения письма на душе у меня стало светлее, я чувствовал уверенность в том, что Бог заботится обо мне. Проплывающие за окном поля, зеленые после дождя, напоминали мне небеса. Я с нетерпением ждал прибытия в Лахор.

Несколько часов спустя поезд прибыл на главный вокзал Лахора. Толпа вынесла меня из невысокого длинного здания вокзала, и я нанял *танга*, конную повозку, обычный вид транспорта в нашей стране. Возница спросил, куда мне ехать. Я сунул руку в карман за конвертом, и сердце у меня оборвалось: и конверт, и деньги, которые дала мне добрая девушка, исчезли! Кто-то

вытащил их из моего кармана, вероятно, в толпе на станции. Я горько пожалел о своей беспечности, но делать было нечего.

Я признался вознице, что у меня украли деньги. К удивлению, он оказался добрым человеком и взялся отвезти меня на Нисбет Роуд. К счастью, я помнил часть адреса. Поскольку пассажиров в мою сторону, которые могли бы возместить ему хоть часть расходов, не нашлось, он легонько ударил лошадь вожжами, и мы тронулись в путь.

Он привез меня на Нисбет Роуд и высадил там. Я был очень признателен ему за доброту. Я снова чувствовал заботу о себе, поэтому прошептал короткую благодарственную молитву.

Мне было трудно решиться спросить у прохожих о том, где живет нужная мне женщина. В Пакистане это не принято. Если бы это был мужчина, я мог бы спросить о нем в любой лавочке. Однако я не мог придумать никакого другого способа найти нужный мне дом.

Казалось, никто не знает ее. Я остановился, не представляя, что делать. Пройдя немного дальше, я вышел на шумный перекресток под названием Лаксми Чоук. Вокруг было огромное количество щитов с афишами, рекламирующими самые разные фильмы. Пакистан и Индия — два крупнейших в мире потребителя кинопродукции, и этот район известен как центр киноиндустрии в Лахоре. Город знаменит своими киностудиями; множество молодых людей тайно бегут сюда из дома в надежде сняться в кино. Кинотеатры и рестораны были здесь повсюду. В толпе меня чуть не задавили; я шагнул на мостовую, по которой тоже взад и вперед сновали люди, и чуть не попал под машину. Я прыгнул обратно на тротуар и налетел на парня, несшего перед собой поднос, на котором стоял чайник и несколько чашек. Когда я толкнул его, он споткнулся и уронил поднос. Чашки разлетелись вдребезги.

Я был в ужасе. Парень ругал меня и требовал пять рупий за разбитый сервиз. Я был совершенно беспомощен, так как у меня

не было денег. Как обычно в таких случаях, вокруг стала быстро собираться толпа. Зеваки с любопытством ожидали, не начнется ли драка, но мне совсем не хотелось ссориться. Я был виноват в случившемся, мне было очень стыдно. Я сказал парню:

— У меня нет денег. Если хочешь, обыщи меня, но ты не найдешь даже самой маленькой монетки.

Стоящий позади меня старик пробормотал:

— Все они так говорят, эти бродяги; приезжают сюда, чтобы найти работу на студии, надеясь стать актерами. Видно, это такой же.

Уши у меня горели. Он был далек от истины, но не мог же я начать убеждать его, что убежал из дома, потому что моя жизнь была в опасности. Я сказал парню:

— Слушай, мне очень жаль, что так получилось. Почему бы нам не пойти вместе в ресторан, где ты работаешь? Я тоже мог бы поработать, а деньги, которые заработаю, я отдам тебе за разбитую посуду.

Парень минуту помолчал, потом кивнул. Кажется, он вздохнул с облегчением, поняв, что ему не придется платить самому.

— Пошли, — сказал он, и я отправился вслед за ним.

Его звали Фарух. Он был примерно моего возраста и казался добрым малым. Я понял, что мы подружимся. Он привел меня к хозяину ресторана, который сидел за столом возле двери и считал деньги. Ресторанчик был маленький и торговал преимущественно чаем, как в самом заведении, так и на вынос. Такие парни, как Фарух, сновали повсюду, разнося подносы с чашками по студиям и конторам. Чай пили все и постоянно, это был хороший бизнес. Мальчики получали небольшую плату, их больше интересовал дополнительный доход, который они получали с клиентов в виде чаевых. Они не чувствовали себя обделенными, однако работа была нелегкой.

Хозяин оторвался от кучи счетов и уставился на меня, слушая рассказ Фаруха. Когда тот закончил, хозяин резко сказал:

— Значит, и ты тоже? Сбежал из дома, потому что влюбился в какую-нибудь девицу из фильма! И в какую же из них?

Я был в полном замешательстве, ибо ничего подобного никогда не приходило мне в голову. Я молчал, тогда он грубо сказал:

— Пусть идет мыть посуду с другими парнями.

Фарух отвел меня на кухню, где мне пришлось мыть целую груду всякой утвари. Эта работа была мне хорошо знакома, я занимался этим с самого раннего детства, но сегодня... сегодня слезы то и дело застилали мне глаза, и я торопливо смахивал их рукой. Никто, кроме Фаруха, не видел этого.

Поздно вечером, когда ресторан уже закрывался, я вспомнил, что мне негде ночевать. Я совершенно потерял надежду найти женщину с Нисбет Роуд. Вероятно, теперь девушка из больницы решит, что я побоялся идти к ее матери или просто не принял ее доброту. Мне стало грустно от этой мысли.

Я устало поплелся прочь, Фарух пошел рядом.

— Тебе есть где ночевать?

Я покачал головой, очень жалея себя.

— Пошли со мной, — приказал он и быстро двинулся к парку. В нем была какая-то внутренняя сила. «Интересно, откуда он, где он вырос?» — подумал я, идя следом за ним.

Мы вошли в знаменитый Лоуренс-парк и сели на скамейку. К моему удивлению, Фарух заявил, что это его скамейка. Он снимает ее для сна.

— Сегодня, — сказал он великодушно, — мы разделим ее. Половина тебе, половина мне!

Мне очень понравилась эта мысль, и я от души поблагодарил его. Я наблюдал, как он открыл бумажный пакет, вытащил оттуда кусочки еды и аккуратно разложил на скамье. То, как он сделал это, очень характеризовало его. Позже он рассказал, что вырос в богатой семье в Карачи. Этот самый крупный город

в Пакистане, находящийся в 800 милях юго-западнее Лахора, был для меня таким же далеким, как луна.

Фарух был джентльменом. Скудная пища, которую мы разделили в ту ночь под звездами, заполнила не только мой желудок, но и ту пустоту в сердце, которую я чувствовал, покинув Рабвах. Я еще раз убедился, что Бог знает обо мне все. Конечно, думал я, это Он дал мне нового друга, чтобы я не был так одинок этой ночью. Фарух коротко рассказал мне свою историю. Единственный сын в богатой семье, он уехал в Лахор без разрешения родителей, чтобы попытаться найти себе место в мире кино. У него ничего не получилось, как и у многих таких же парней, и он остался без гроша. Рассказывая мне все это, он казался очень несчастным. Я понял, как тяжело ему мыть посуду и разносить чай. Он не больше меня знал, что готовит ему будущее. Он даже немного всплакнул, как и я утром.

Мы разговаривали до поздней ночи. Фарух, который так сердился на меня утром, становился моим настоящим другом. Пока он говорил, во мне все больше поднимался гнев против той слепой веры, которой старшие пытались связать нас, молодых. Они хотели только одного — сохранить свои традиции, истина их нисколько не интересовала. Они были закрыты и для Бога, и для людей. Все мы оказываемся связанными этой системой мыслей и поступков. «Почему люди женятся и заводят детей только для того, чтобы сделать их несчастными!» — думал я. Молодым так трудно жить. Когда я поделился этими мыслями с Фарухом, он в основном согласился со мной, но сказал, что не хочет жить без любви родителей. Я спросил, почему же он не возвращается в Карачи. Подумав минуту, он сказал:

— Если я вернусь, ты поедешь со мной?

Я был очень тронут этим предложением, но пробормотал только:

— Я никогда не был в Карачи. Где я буду жить?

Фарух утверждал, что это не проблема, и наконец я согласился, что если он решит вернуться в Карачи, я поеду с ним.

Когда мы наконец уснули, уже начиналось утро. Свернувшись калачиком, мы спали на тесной скамейке. Несколько раз за ночь к нам подходил охранник со своей лати и будил нас. Фарух давал ему монету в пятьдесят пайс, но охранник показывал палкой на меня. Ему приходилось давать еще одну монету. Охранник клал деньги в карман и шел к следующей скамье, где проделывал ту же процедуру с другими бездомными. Я понимал, что это была взятка, позволяющая нам спать на скамейке. Такие вещи обычны там, где уровень жизни низок. Только таким путем люди могут обеспечить себе заработок. Я снова засыпал...

Вокруг меня со страшным шумом рассыпались в пыль дома. Огромные здания падали, земля вздымалась и сотрясалась. Разрушения были повсюду. Из водосточных канав и канализационных люков исходило зловоние, на улицах не было живого существа. В небе кружили стервятники.

Я вижу несколько пустых мечетей. Под разрушенной стеной ближайшей из них лежит полузасыпанный имам. Я останавливаюсь и вытаскиваю его. Он ничего не говорит, даже не видит меня, он просто уходит как бы в трансе.

Вдруг я вижу, что в том же направлении движутся сотни людей. Я присоединяюсь к ним, чтобы посмотреть, что они собираются делать. Впереди я вижу огромный костер, самый большой из виденных мной. Густые облака дыма поднимаются в небо. Огонь, кажется, охватывает все, весь мир в огне! Люди подходят к огню и молча друг за другом идут в самую гущу пламени. Этому нет конца. Кажется, что в пламя

их ведет какая-то неподвластная им сила. Войдя в огонь, они обугливаются и превращаются в пепел.

Увидев это, я каменею от страха. Я кричу одному из проходящих людей: «Остановитесь! Почему вы делаете это? Зачем совершаете самоубийство?» Он мягко освобождается от моей руки и говорит: «Разве ты не знаешь, что это Суд над миром. Мы получаем воздаяние за все, что делали, когда жили в мире». В ужасе я кричу: «Нет! Я не хочу такого конца. Нет!» Я слышу, как человек говорит мне: «Что ты тут делаешь? Иди на юг. Иди на юг!»

Рыдая, я бегу прочь от огня. Я бегу, пока совсем не выбиваюсь из сил и не падаю на землю. Место, где я упал, похоже на самый прекрасный сад, такой сад, который нельзя сравнить ни с одним садом на земле. Воздух тих и спокоен. Перед собой я вижу большой белый камень. На нем надпись: «Здесь будут те, у кого на лбу печать».

Очнувшись от этого ужасного сна, я слышу громкий адхан, призыв на молитву, доносящийся из расположенной поблизости суннитской мечети. Несколько минут я с удовольствием слушаю знакомые слова:

Анихадо ун Ла Илаха ималлах
Мухаммадар — Расулуллах

Фарух только чуть шевельнулся во сне, я же окончательно проснулся. Я встал и пошел к мечети, из которой доносился призыв на молитву. Когда я совершал омовение, мне в голову пришла мысль: «Я поступаю неправильно. Ахмадийцы не молятся с суннитами и шиитами». Однако я отогнал ее и вошел в мечеть. Во время молитвы имам прочитал стихи из Корана.

Восхвалим Аллаха, Господина вселенной, Благого, Милосердного, Тебе одному мы поклоняемся, Тебя одного просим о помощи. Укажи нам прямой путь, путь тех, к которым Ты благоволишь, а не тех, кто заслужил Твой гнев, не тех, кто сбился с пути.

Слушая эту молитву, я вдруг спросил себя: «Все мы, мусульмане, повторяем эти слова помногу раз в каждой из пяти ежедневных молитв. Мы все всегда просим Бога показать нам прямой путь. Но какой путь мы просим Его показать? Разве мы еще не на прямом пути? Разве Он еще не показал нам его?» Эти мысли возвращались снова и снова, пока я не отогнал их и не закрыл глаза, чтобы сосредоточиться на молитве.

Молитва кончилась, люди стали расходиться. Внезапно земля под моими ногами закачалась, все было совсем как во сне! Это было землетрясение. Люди на улицах закричали:

— О Боже, смилуйся над нами! Помилуй нас!

Я вспомнил свой сон, и кровь застыла в жилах. Землетрясение продолжалось несколько мгновений, после чего все стихло, только оседавшая пыль напоминала о случившемся. Однако мои ноги по-прежнему дрожали: перед моим внутренним взором все еще проходила процессия обреченных людей. Сон был слишком ясным!

Я поспешил к Фаруху. Как я и ожидал, он уже проснулся. Он видел землетрясение первый раз в жизни. Мы вернулись в ресторан и позавтракали, после чего хозяин согласился оставить меня еще на день. Все парни получали оплату ежедневно и таким образом могли заработать себе на еду. В глубине души каждого из них жила надежда в один прекрасный день встретить человека, который сможет ввести их в обожаемый ими мир кино.

Я усердно работал, но мысли мои были далеки от работы. Снова и снова ко мне возвращались сомнения, от которых я отмахнулся в мечети. Я чувствовал себя обманутым. «Масуд, — говорил я себе, — скажи, сколько раз в день ты молишься и сколько раз ты повторяешь в молитве одни и те же стихи из Корана, как ученый попугай? Вдумываешься ли ты в то, о чем должен молиться? Что для тебя значит, когда ты молишь Бога: «Укажи нам правильный путь?» Если все мусульмане верят, что они на правильном пути, на пути, угодном Богу, тогда почему они просят указать этот путь, как если бы они еще не нашли его или боятся потерять?» Ошеломленный, я вдруг понял, что я точно такой же, как они. Мы все в одинаковом положении. Разве совесть говорит мне, что я угождаю Богу?

В конце дня, когда я выливал последнюю лоханку грязной воды, мое сердце все еще кричало: «О Боже, укажи мне путь, ведущий к истине!»

8

На юг

Прошло три дня, а я по-прежнему не представлял, что же мне делать. Я продолжал работать в ресторане с Фарухом и все больше ценил его способность всегда прийти на помощь. Хозяин, очевидно, любил его и доверял ему, давая самые разные поручения.

Закончив свой четвертый рабочий день, я вытер руки и пошел искать Фаруха. Мы попрощались с остальными и вышли на воздух, радуясь вечерней прохладе. Вдруг Фарух сказал:

— Пошли, Масуд, нам надо на станцию.

В удивлении я поспешил за другом, который быстро шагал в направлении вокзала. Я поймал его за рукав и спросил:

— Что ты сказал? Мы куда-то едем? Но у нас нет денег.

Фарух, не оборачиваясь, продолжал быстро шагать.

— Все в порядке, Масуд. Я получил зарплату. У меня сто рупий.

Не дожидаясь моего ответа, он остановил *танга*, и мы вдвоем вскарабкались на хрупкую с виду повозку. Его слова смутили меня, так как, насколько я знал, зарплата Фаруха ни при каких обстоятельствах не могла составить такую сумму. Я спрашивал себя, за какую же услугу хозяин заплатил ему столько. Однако у меня не было времени на вопросы: мы были уже на вокзале.

Мы спрыгнули с повозки, и Фарух расплатился с *тангвала*. Он направился к справочному бюро, осаждаемому толпой желающих немедленно получить информацию о поездах, и скоро вернулся с видом победителя. Он объявил, что поезд на Карачи будет через полчаса и что он уже взял билеты. Мы уселись в зале ожидания, большом открытом пространстве, где сидели все владельцы самых дешевых, третьего класса, билетов, со своими огромными узлами, дешевыми чемоданами, кастрюлями и сковородками. Глядя на все это, я не понимал, почему это люди в Пакистане считают своим долгом тащить с собой в поезде весь свой скарб. Наша собственность рядом со всем этим казалась столь ничтожной, что я почувствовал себя угнетенным. У нас не было даже постельных принадлежностей.

Я хотел было поделиться этими соображениями с Фарухом, но заметил, что он чем-то встревожен, и спросил:

— В чем дело, Фарух? Чем ты так озабочен?

Он отвел глаза и ничего не сказал. Я не стал настаивать, и мы сидели молча. Наконец с оглушительным грохотом и скрипом тормозов к станции подошел длинный состав, и мы бросились занимать места, пробивая себе дорогу среди сотен других, стремящихся сделать то же самое.

Мы проехали три остановки, и только тогда Фарух наконец рассказал мне о том, что беспокоило его. Понизив голос, чтобы никто не мог услышать, он сообщил мне:

— Эти сто рупий не мои, Масуд. Хозяин дал мне деньги, чтобы я купил чай для ресторана, но тут мне пришла в голову мысль, что пора ехать в Карачи.

В глубине сердца я не упрекал его, хотя и был обеспокоен его поступком. Поезд уносил нас в ночь, вагоны постукивали тяжелыми колесами.

Всю ночь и весь следующий день поезд медленно шел на юг. Мы проезжали места, где мне не приходилось бывать. Вскоре

после Мултана, ранним утром, мы пересекли большую реку Сатледж, и я был поражен размером моста. Теперь мы ехали по исключительно сухой местности, почти пустыне, и в поезде было очень жарко. Однако все было новым для меня после тихой жизни в Рабвахе, и я был полон впечатлений. Фарух заразился моим энтузиазмом и, забыв свои проблемы, с жаром рассказывал мне о местности, по которой мы проезжали. Каждый прошедший час приближал его к дому, хотя он и не знал, какой прием окажет ему семья.

В полдень поезд вдруг остановился, и мы вместе с другими пассажирами вышли посмотреть, что случилось. По-видимому, произошел несчастный случай. Какой-то человек попытался перейти рельсы, таща велосипед, и был сбит поездом. Его велосипед, искореженная груда металла, лежал неподалеку от рельсов, вокруг суетились разные служащие. Через некоторое время поезд тронулся, и, проезжая мимо останков велосипеда, я с грустью подумал, как дешева человеческая жизнь в Пакистане. Без сомнения, человек имеет право умереть с достоинством, даже если он не мог жить с достоинством. Но поезд набирал скорость, и мои грустные мысли остались позади.

Под вечер поезд остановился на какой-то станции, где мы купили рыбу и рис. Рыба была невкусная, но мы все-таки съели ее. Фарух опять стал молчаливым, ему не хотелось говорить. Мы пересекли широкий Инд по длинному мосту в Хайдарабаде и несколько часов спустя прибыли в Карачи. Поезд пришел поздно, долгое путешествие утомило нас, но как только мы покинули шумный вокзал, наша усталость улетучилась. Фарух вывел меня на центральную улицу и повернулся ко мне со словами:

— Хорошо снова быть дома. Хотел бы я знать, что подумают мои родители?

Мы пришли на остановку и вскоре уже давились в автобусе, который вез нас к дому родителей Фаруха. Я устал, и мне

очень не хотелось лезть в переполненный автобус. Я предложил Фаруху подождать следующего, но он не стал слушать.

— Нет, поедем в этом. Здесь не так-то много автобусов; следующий будет такой же. Лучше поедем сейчас.

Пришлось смириться. Пока ждали отправления, я думал, как меня встретят родители Фаруха. Что я скажу им о себе? Когда мы познакомились с Фарухом, я очень мало рассказал ему о причинах моего пребывания в Лахоре, да он и не настаивал. Он думал, что я, как и он, убежал из дома. Меня это устраивало. Но удовлетворит ли это его родителей? Не придет ли им в голову связаться с моими родителями в Рабвахе? Понравится ли им принимать в своем доме ахмадийца даже на короткое время? Я не мог получить ответа на эти вопросы и решил просто подождать, пока такие проблемы возникнут. Однако я очень надеялся, что они не подумают, будто это я сбил Фаруха с истинного пути.

Автобус дребезжал по неровной дороге около получаса, прежде чем Фарух крикнул мне, что мы подъезжаем. То, что случилось после этого, оказалось настолько странным, что, оглядываясь назад, я понимаю, что только Бог мог сделать все это.

Как только Фарух выпрыгнул из автобуса, тот внезапно рванул со страшной скоростью. Водители в Пакистане часто так поступают. У них строгий график, а автобусы постоянно перегружены. Если такой автобус полностью остановить, понадобится много времени, чтобы снова разогнать его. Поэтому они часто только притормаживают, и пассажиры прыгают из автобуса и забираются в него на свой страх и риск. Так как желающих сойти было только двое — я и Фарух — и на остановке никто не ждал, водитель, вероятно, решил, что небольшого снижения скорости будет вполне достаточно.

Я с ужасом увидел, что Фарух спрыгнул на землю, но я сам из-за бешеного ускорения не мог сделать того же без риска

разбиться. Я крикнул кондуктору, чтобы тот остановил автобус, но он сердито огрызнулся:

— Ты что, спишь, осел? Не мог выйти из автобуса?

В полной растерянности я ответил:

— Мой друг только что вышел. Я здесь впервые и не знаю дороги. Как же я теперь встречусь с ним?

Кондуктор вытянул руку ладонью вверх, пожал плечами и сказал:

— Выйдешь на следующей остановке и вернешься обратно, а может быть, он встретит тебя.

И он пошел по автобусу, щелканьем компостера напоминая пассажирам о необходимости платить за проезд.

Следующая остановка была примерно через милю; на этот раз я подготовился заранее. Я выпрыгнул, как только автобус приблизился к остановке. Некоторое время я стоял, глядя на исчезающие в клубах пыли приветливые красные огоньки уходящего автобуса. Шум мотора затих, и я остался один на улице, без друга, не зная, как его найти. В это время показался прохожий, я остановил его и спросил, где остановка. Он ответил, и я быстро пошел в указанном направлении, надеясь, что у Фаруха хватит терпения дождаться меня. Я хотел было сесть в идущий обратно автобус, но у меня не было денег. Подумав о расстоянии, которое мне предстояло пройти, я пустился бегом.

Фаруха не было. Я стоял в темноте и плакал. По дороге проносились потоки машин, на остановке люди ждали автобуса, который отвезет их домой к семье и ужину. Мне не на что было надеяться в этом чужом городе. Фарух исчез, и я был близок к отчаянию. Шла последняя неделя сентября 1969 года, мне было восемнадцать лет. Думаю, что на кривой, изображающей мою жизнь, это была самая низкая точка.

Ближайшей моей задачей было найти место для ночлега. Наступила ночь, а у меня совсем не было денег. Если я пойду в мечеть, думал я, имам или кто-нибудь другой могут заинтере-

соваться, почему я здесь один, к тому же так поздно, и вызвать полицию, а оттуда меня, без сомнения, вернули бы родителям и мое положение стало бы еще хуже. Если бы я пошел спать в один из парков, с меня потребовали бы взятку, а так как платить мне нечем, дело снова кончилось бы полицией.

Наступило время иша, вечерней молитвы, и я, повинуясь силе привычки, пошел в мечеть. Когда молитва кончилась, я вышел и побрел по улице, не зная куда. Метров через двести дорога оборвалась, передо мной оказалось русло высохшего ручья. Возле него лежали огромные цементные трубы. И тут мне в голову пришла мысль, что они достаточно велики для того, чтобы в них можно было спать.

В самом деле, в таких трубах довольно часто живут бедняки, иногда месяцами или даже годами, прежде чем трубы идут на строительство водопровода. Это было весьма подходящее место для меня. Я настолько устал, что эта расположенная в стороне от дороги труба вполне могла заменить мне мягкую постель. Я немного боялся змей и скорпионов, особенно потому, что в это теплое и влажное время года они ищут прохладные места. Но у меня не было выбора. Другого места для ночлега я найти не мог, и Бог, казалось, приготовил эту трубу специально для меня.

Я сидел в своей трубе, глядя на далекие огни пробегающих по дороге машин, слушая слабый шум их моторов. Все происшествия последних дней снова встали передо мной... и чувство безнадежности нахлынуло на меня. Я потерял всех, кто помогал мне. Сначала добрая девушка из больницы дала мне письмо, но я потерял его. Потом в этом чужом городе я потерял единственного друга. Я остался совершенно один. Но вдруг мне в голову пришла мысль, что Бог, вероятно, все это знает. И мне стало страшно: а вдруг и Он каким-нибудь образом потеряет меня?

Я громко воззвал к Нему: «О Боже, ты играешь со мной? Что все это значит? Зачем я живу? Что мне делать? Покажи мне,

какой у Тебя план для моей жизни. Я не прошу Тебя говорить со мной так, как Ты говорил с пророками. Я знаю, что я не пророк, но я Твое творение. Люди называют меня твердолобым агностиком, язычником, отступником. Веди меня, о Боже, как когда-то Ты вел тех, кого любил. Я хочу говорить с Тобой, рассказывать Тебе все, что происходит со мной. Взгляни на меня, Боже. Я прошел сотни миль в своих поисках. Я знаю, что Ты во мне, как артерии в моем теле. Говори со мной!»

Я закончил молитву рыданиями. В следующее мгновение я вскочил. Я услышал, как мягкий, добрый голос произнес:

— Ты прав! Я живу в каждой частице твоего мозга и сердца!

Мое сердце бешено забилось. Я быстро огляделся вокруг, но, конечно же, это был голос не человека. Радость и мир наполнили меня. Я почувствовал себя парящим высоко в небе. Бог заботится обо мне! Он говорил со мной! Он все знает! Он любит меня!

Но вскоре я вернулся на землю. Ощущение Божьего присутствия ушло. Мной стали овладевать странные мысли. Кто был здесь со мной? Я снова осмотрелся. Место, где я сидел, окружали деревья, в темноте мне показалось, что я где-то на краю джунглей. Мог ли здесь появиться Бог? Что за нелепая мысль! Мог ли Бог, Святой, недостижимый Бог прийти в это грязное, непотребное место к чумазому юнцу в пропитанной потом одежде? Мне стало не по себе от таких мыслей, но этот голос!.. Голос, который сказал: «Я живу в тебе...»

Это было выше моих сил. Я вылез из трубы и встал, но не смог уйти, так как начинался дождь. Мне не хотелось схватить простуду. Вдруг я почувствовал у своих ног что-то мокрое и холодное. Я отскочил в ужасе, но это была только собака. Я лег в трубе и долго лежал, пока наконец не заснул. Когда я проснулся, уже наступил серый рассвет. Русло ручья было полно воды, вода начинала затекать в трубу. Земля вокруг превратилась в грязь. Собаки не было. Выбравшись из трубы, я пошел по дороге к ближайшей мечети.

После молитвы я стал бесцельно бродить, не зная, что с собой делать. Я был так голоден, что с удовольствием бы съел остатки еды с тарелок в ресторанчиках, которые расположились вдоль дороги. Глядя на них, я вспомнил Фаруха и нашу жизнь с ним в Лахоре. Как бы я хотел знать, обрадовались ли родители его возвращению? А мои родители? Будут ли они рады, если я вернусь домой? Я выбросил эту мысль из головы, поскольку у меня все равно не было денег. Я продолжал бродить.

Любопытство привело меня в ту часть города, где во времена британского правления была военная зона. Здесь было много деревьев. На одной стороне улицы был расположен большой парк, Джахандир-парк, а на противоположной я увидел вывеску со словами «Шотландская церковь». На обеих сторонах улицы шумно торговались продавцы и покупатели подержаных машин. Я перешел улицу и подошел к церкви. В церкви никого не было, она была закрыта. В углу двора на чарпаи сидел мужчина, несколько детей играли рядом. Они перестали играть и молча смотрели на меня. Мужчина сказал, не отвечая на мое приветствие:

— Куда ты идешь?

Я сказал, что хотел бы видеть священника. Он ответил довольно грубо, что священника нет и что мне следует прийти в другой день, если я хочу его видеть. Я слышал, как один из детей сказал: «Он мусульманин!» Другой не согласился: «Нет, он из тайной полиции!» Мужчина махнул на них рукой, и они замолчали.

— Это частное владение. Здесь нельзя ходить без разрешения. Мы не знаем, кто вы. Вы даже не знаете имени священника, которого хотите видеть.

В это время к нам подошла женщина, по-видимому, его жена, и набросилась на меня.

— Кто ты такой? Я знаю, ты шпион или бандит. Разве не ты оскорблял вчера мою дочь с другим таким же бандитом? Зачем ты пришел? Иди прочь отсюда!

Она продолжала в том же духе. Я попытался остановить ее, сказав:

— *Биби* (мадам), я не понимаю, о чем вы говорите. Я приехал из Пенджаба, чтобы найти пастора, который мог бы мне помочь.

Но она не слушала. Мужчина тоже стал наседать на меня, поэтому я поспешил уйти.

Я пошел в парк и немного посидел там. Потом я заметил читальную комнату и решил зайти просмотреть свежие газеты, но на каждой странице я видел только одно слово: «голод», поэтому встал и ушел. День проходил, а я по-прежнему безучастно наблюдал за людским потоком, пытаясь забыть о голоде.

Приближался вечер. Грызущее чувство голода в желудке перешло в тупую боль. Я знал, что мне непременно надо поесть сегодня, но не представлял, как достать еду. Просить я не мог. Я сидел в парке и увидел, как два человека встали с соседней скамейки, оставив на ней пакет — большой коричневый пакет, явно не пустой. Я оглянулся, не спеша подошел к этой скамейке и сел возле пакета. Я еще раз осмотрелся, чтобы удостовериться, что на меня никто не обращает внимания. Дрожащими руками я открыл пакет и увидел... кожуру от фруктов! Желудок совсем свело, и я положил пакет на скамейку.

В это момент рядом со мной сел мужчина. Это был представительный человек, одетый в щеголеватый европейский костюм из дорогого серого сукна. На нем был галстук. Я успел заметить все это, быстро отворачиваясь от пакета и притворяясь, что смотрю на что-то еще.

— Что в пакете? — сурово спросил он.

Я испугался. Кто этот человек? Вид у него был внушительный.

— Говори, что в пакете, — повторил он, — или я вызову полицию.

При слове «полиция» я еще больше испугался и, быстро схватив пакет, дрожащими руками открыл его.

Мужчина заглянул внутрь и сдвинул брови. Казалось, он ожидал увидеть что-то другое.

— Это что такое? — спросил он. Думаю, он вообразил, что я член какой-нибудь банды, которому сообщники передали в этом пакете что-то важное. Теперь он смотрел на меня другими глазами.

— Ты очень голоден? — с сочувствием спросил он. Я кивнул, от стыда не решаясь взглянуть на него.

— Пошли со мной, — скомандовал он, взял меня под руку и повел. Мы пришли в отель, где он усадил меня за стол.

— Ну, чего ты хочешь? — спросил он.

— Я бы хотел немного поесть, — тихо сказал я. Я чувствовал, что умираю с голоду.

— Чего бы ты хотел поесть? — снова спросил он, но я не мог ответить, поэтому он заказал рис и *гаппатис*, плоский пакистанский хлеб, *бириани* и еще несколько блюд. Стол был накрыт, как в праздник. У меня потекла слюна от чудесного запаха пищи; он знаком предложил мне начинать. Пока я ел, он молча смотрел на меня, ни о чем не спрашивая, что было очень любезно с его стороны.

Когда я покончил с едой, он заказал чай для нас обоих и спросил:

— Ну, как же тебя зовут? Откуда ты и что здесь делаешь?

Честно говоря, мне не хотелось рассказывать ему все. Но он был так добр ко мне и внушал мне такое почтение, что я решил рассказать ему свою историю. Не думаю, чтобы он поверил всему, что я говорил, но, когда я кончил, он сказал:

— Масуд, если хочешь, можешь работать у меня. Мне нужен человек для работы по дому. Думаю, тебе будет хорошо у нас. У меня жена и трое детей. Ну как, согласен?

Я был очень тронут его добротой. Мне снова показалось, что Бог послал этого человека мне на помощь, и я согласился без колебаний. Да и разве у меня был выбор?

Его звали Рашид, его дом был неподалеку. Представив меня жене и детям, он показал мне кровать на веранде, где я дол-

жен был спать. Это было прохладное место, чему я очень обрадовался. Думаю, ему было немного неловко от того, что он вначале так сурово набросился на меня. Я же был счастлив. У меня снова была крыша над головой и, более того, кто-то снова заботился обо мне. Я от всего сердца поблагодарил его. Он улыбнулся:

— Понимаешь, Масуд, у нас был слуга, но этот плут сбежал и навряд ли вернется. Так что пользуйся всеми этими вещами.

Утром я узнал о моем благодетеле побольше. Он был адвокатом и работал в городе, его жена была учительницей. Он от души сочувствовал парням, которые, подобно мне, оставались без крыши над головой, и первое, что он делал, — давал им работу в своем доме. За работу мне не платили, зато кормили очень хорошо. Я чувствовал, что все члены семьи относятся ко мне с любовью. Бог снова позаботился обо мне, Он и не думал терять меня.

Думаю, адвокат был доволен моей работой. Однажды он сказал, что ему всегда приходилось присматривать за парнями, которые работали у него до меня, и что он очень рад моей надежности. По-моему, он хорошо разбирался в людях и понял, что я очень рад возможности жить у него и не заставлю его пожалеть о том, что он взял меня к себе.

В доме, как и в большинстве домов обеспеченных семей в Пакистане, всегда поддерживался порядок. Частью моих обязанностей было приготовление чая по утрам. Я приносил им чай в постель, еще до того, как они выходили к завтраку. После завтрака я отводил детей в школу, помогая им переходить дорогу, а в полдень приводил их обратно домой. Это было необходимо, так как возле школы постоянно вертелись какие-то темные личности, которые приставали к детям; бывали даже случаи похищения детей. Дети называли меня «брат», да и я привязался к ним. Кроме этого, в мои обязанности входило поддерживать чистоту в доме, стирать, ходить в магазин и на

рынок за свежими овощами и фруктами. Дел было много, но мне это нравилось. После обеда у меня оставалось немного свободного времени. Вскоре у меня появилось ощущение удовлетворенности — мне стало казаться, что я бы с радостью провел так всю жизнь.

Сегодня мне трудно однозначно оценить отношение этого человека ко мне. С одной стороны, он научил детей называть меня «брат», но, с другой стороны, я ничего не получал за свою работу. Возможно, он думал, что если я буду ощущать себя членом семьи, то не смогу просить у него денег. Однако мне бы очень хотелось иметь возможность покупать книги для занятий. Я был загнан в ловушку, хотя и чувствовал себя в ней весьма неплохо. Однако я потерял независимость. Я надеялся, что когда-нибудь он даст мне хоть немного денег, но так и не дождался.

Прошло несколько месяцев. Я уже хорошо знал Карачи. Однажды я даже совершенно неожиданно встретился со своими единокровными братьями, жившими там же!

Каждый день я отвозил хозяину еду. Во многих городах Пакистана принято, чтобы второй завтрак хозяину в контору привозил в специальном контейнере слуга. Это избавляло хозяев от необходимости везти свой завтрак в переполненном общественном транспорте, к тому же еда была приготовлена позднее и не портилась. Однажды я возвращался из конторы хозяина с пустым контейнером. В тот день бастовали водители автобусов, требуя повышения зарплаты. Я стоял на остановке, не зная, что делать. Мимо проехал автомобиль, и водитель, хорошо одетый мужчина лет тридцати, вдруг предложил подвезти меня. Он сказал, что живет в деревне в девяти милях от Карачи и обещал высадить неподалеку от дома, чтобы я мог дойти пешком. Я от всей души поблагодарил его.

На следующий день он снова увидел меня на автобусной остановке и затормозил.

— А сегодня ты что здесь делаешь?

— Собираюсь отвезти хозяину еду, — ответил я.

Он открыл дверцу машины и сказал:

— Запрыгивай, подвезу.

Я был рад возможности избежать автобусной давки. Забастовка кончилась, но автобусы были, как всегда, переполнены: люди гроздьями висели, уцепившись за двери. По дороге он спросил:

— И сколько же хозяин платит тебе?

В Пакистане не принято задавать такие вопросы, и у меня не было никакого желания отвечать, однако я признался, что мне ничего не платят. Он удивился и сказал:

— Это нехорошо. Почему бы тебе не попробовать работать со мной? Будем зарабатывать вместе.

Я согласился, не раздумывая.

Выполнив поручение, я вернулся домой и объявил, что нашел работу по продаже медикаментов. Адвокату это не очень понравилось, дети просили меня не уходить, но я был настроен решительно. В конце концов, я провел с ними более девяти месяцев и не собирался работать бесплатно всю оставшуюся жизнь. Недели через две я приехал в деревню к тому человеку.

Вечером, осматриваясь в новом доме, я вдруг, к полному моему удивлению, увидел фотографию собственного отца! Это была старая фотография, но ошибиться было невозможно. Из осторожности я не стал говорить, что узнал его, просто спросил, кто это.

— Это наш отец.

Услышав это, я обомлел. Я же знал, что жена их отца — не моя мать! Скоро я понял, что это были дети моего отца от одного из его предыдущих браков. Оказалось, что они родились за несколько лет до меня и были детьми третьей жены моего отца, на которой он женился в 1947 году.

Я сказал им, кто я. Мы проговорили всю ночь. Они поведали мне грустную историю о том, как мой отец оставил их и уехал

в Северный Пакистан. Я рассказал им о его женитьбе на моей матери и о нашей несчастливой жизни. Во время этого разговора я думал о жестокости исламской системы, разрешающей мужчине жениться на нескольких женщинах. Как тяжело это для женщин и как много проблем возникает из-за этого! Мать моих единокровных братьев почти не участвовала в разговоре. Я чувствовал ее злобу против меня — я воскресил ее тяжелые воспоминания. Один из братьев заметил это и мягко сказал ей:

— Мама, он не виноват. Ты не должна ненавидеть его.

К сожалению, этот эксперимент — работа с единокровными братьями — не удался, и месяца через два я вернулся в дом адвоката. Его семья тепло встретила меня.

Прошло полтора года. Я, казалось, застыл на мертвой точке. Я все так же стремился познать волю Божью, познать Его, но, вероятно, слишком успокоился. Я по-прежнему молился пять раз в день, но скорее по привычке. Мое благочестие произвело большое впечатление на хозяина. Во время Рамадана, мусульманского поста, я постился очень строго. Семья адвоката принадлежала к суннитской ветви ислама, и они не придавали большого значения тому, что я был ахмадийцем. Я ходил в суннитскую мечеть, и они не возражали.

Я был очень занят. Казалось, круг моих обязанностей по дому все расширяется, а денег мне по-прежнему не платили, хотя я и не очень переживал из-за этого. Я регулярно ходил в мечеть, где беседовал с имамом о многом, в том числе и о том, что так давно беспокоило меня. Однако этот добрый человек не мог дать удовлетворительных ответов на мои вопросы. В моем сердце по-прежнему жило беспокойство. Имам давал мне книги, которые я читал в свободное время, но они только будоражили меня и усиливали чувство неудовлетворенности.

Работая на кухне, я временами останавливался и думал: «Разве я для этого ушел из дома? Разве Бог здесь?»

Однажды вечером я лег, но не мог уснуть: у меня поднялась температура. На душе было тяжело. Я лежал и думал: «Зачем беспокоиться? Моя жизнь не имеет никакого значения. Похоже, что Богу на самом деле нет до меня дела. Он играет со мной — делает вид, что заботится обо мне, и тут же прячется от меня». Но вдруг я снова ощутил Божье присутствие и услышал слова: «Как же быстро ты сдаешься».

Я сел на постели и огляделся по сторонам, но вокруг никого не было. Я почувствовал себя покинутым. Вскоре меня позвал хозяин приготовить чай для гостя.

Я неохотно встал и медленно поплелся в кухню, желая только одного — чтобы меня оставили в покое. Проходя мимо двери в гостиную, я услышал знакомый голос. Это был отец Ахмеда! Что он здесь делает? Для чего проделал такой длинный путь из Рабваха? Я притаился за дверью и услышал, как отец Ахмеда сказал:

— Благодарю вас. Его отец приедет завтра утром. Но где же мальчик?

Хозяин ответил:

— Он сейчас придет и принесет чай, и вы сможете его увидеть. Почему бы вам не стать вон там, за шкафом? Сделайте вид, что рассматриваете книги, и он не узнает вас.

С бешено бьющимся сердцем я бросился прочь. Я был встревожен и напуган этим голосом из прошлого. Но не зная, что делать, я поспешил на кухню готовить чай. Эта знакомая работа немного успокоила меня, и я смог взять себя в руки. Однако, когда я принес в гостиную чай, руки у меня дрожали.

— В чем дело, Масуд? — спросил адвокат.

Краем глаза я заметил человека, стоящего у книжного шкафа. Отец Ахмеда почти не изменился.

— Хозяин, у меня температура, — ответил я, радуясь, что это правда. Он потрогал мою голову и убедился, что я действительно горячий.

— Иди в спальню и возьми в шкафу аспирин, — велел он. Я вышел, не взглянув больше на отца Ахмеда.

Жена хозяина читала в спальне журнал, когда я постучал в дверь.

— Входи, Масуд, — приветливо отозвалась она. — Что случилось?

Узнав, в чем дело, она указала на шкаф:

— Аспирин вон там. И раз уж ты здесь, дай мне, пожалуйста, таблетку из маленькой бутылочки, что рядом с аспирином. Мне нужно принять одну, я плохо сплю.

Я взял из бутылочки таблетку и дал ей, как она просила. Она проглотила ее и легла спать. Я взглянул на нее — глаза были закрыты. Не знаю, что на меня нашло, но я импульсивно сунул пузырек со снотворным в карман и выскользнул за дверь. Хозяйка ничего не заметила.

Вернувшись в своей флигель, я сел на кровать и повертел в руках гладкую стеклянную бутылочку. Я пересчитал белые пилюли внутри и подумал, как легко было бы просто проглотить их все и уснуть навсегда. Эта идея — уснуть навсегда — вдруг показалась мне очень привлекательной. Вспоминая разговор адвоката с отцом Ахмеда, я думал, как несчастна моя жизнь, как бессмысленна и фальшива. Никто по-настоящему не любит меня. Все только хотят причинить мне боль. И вот теперь мой отец едет в Карачи, чтобы забрать меня в Рабвах. А что ждет меня там — жестокое наказание, а может быть, и смерть. Со всех сторон на меня злобно смотрели враги, и я слышал их голоса: «Смерть! Смерть! Ты не имеешь права жить. Почему ты не умираешь?»

Несколько раз за эту ночь я подносил бутылочку ко рту, намереваясь проглотить все пилюли сразу. Я не боялся смерти, меня страшила только мысль о том, что, не проглотив их, я останусь жив и попаду в руки отца. Мне нужно было бежать. Наконец запели соседские петухи и первый слабый свет апрель-

ского рассвета проник в мою комнату. Медлить было нельзя. Вытащив потрепанный портфель, оставленный предыдущим слугой, я засунул в него пузырек с таблетками, кое-какие личные бумаги и на цыпочках подошел к двери. В доме все спали, никто не видел меня. Открыв дверь, я выскользнул в сад и через минуту был уже на улице. Я стоял в предрассветных сумерках — мне было почти двадцать лет, я не имел семьи, работы и, очевидно, будущего. Еще одна глава моей жизни приближалась к концу.

9

За порогом самоубийства

Я побрел наугад, ежась от утренней прохлады. Город просыпался, готовясь к новому дню. Жизнь казалась мне совершенно пустой, мысль о приезде отца вызывала отчаяние. Я снова подумал о маленькой бутылочке с белыми пилюлями, лежащей в портфеле. В мозгу снова зазвучал вкрадчивый голос: «...Съешь их все... Усни, усни...»

Часов в десять я забрел в один из небольших ресторанчиков, которые появлялись в Пакистане повсюду, где возникала нужда в них. Этот обслуживал рабочих со стройки, которые приходили перекусить и выпить чаю. Он расположился на свободном клочке земли, окруженном большими зданиями. Сидя там в одиночестве, я подумал, что это самое подходящее место, чтобы закончить жизнь, ибо я решил сделать именно это. Заказав чай, я открыл портфель и достал пузырек с таблетками. Когда я снова взглянул на них, мне показалось, что сама смерть смеется мне в лицо. Какое-то время я еще колебался, ожидая, когда принесут чай и, как у нас принято, стакан воды. Наконец я решился, отбросив страх перед тем, что, возможно, не умру. Я не имел ни малейшего представления о том, что ждет меня после смерти, я просто хотел убежать от жизни.

Не раздумывая больше, я открыл пузырек и высыпал его содержимое в рот, запив водой. На мгновение меня охватил панический ужас, сменившийся полной апатией. Я не спеша

допил чай. Затем нащупал в портфеле листок бумаги и написал карандашом: «Я потерял надежду. У меня нет выхода. Я решил оставить этот мир. Знаю, что где-то есть Бог, но я Ему не нужен. Ничего другого мне не остается».

Я поставил свою подпись под этой грустной запиской, положил ее в карман, расплатился и вышел. Я рассчитывал на то, что, когда умру, эту записку найдут и по крайней мере кто-нибудь будет знать, почему так случилось. Но прежде всего я хотел найти пустынное место, где никто не найдет меня раньше времени и не отведет к врачу.

Когда я шел через дорогу, мне казалось, что дома вокруг пляшут, как пьяные, — это начиналось действие таблеток. Я понимал, что происходит, и хотел только одного: как раненое животное, найти место, где умереть. Я свернул на другую улицу, глянул направо и налево, но здесь негде было лечь. Улица была широкой, обсаженной деревьями; высокие особняки по обеим ее сторонам говорили мне, что я в богатом районе. Швейцары у ворот некоторых домов смотрели на меня с подозрением, вероятно, принимая за воришку.

К тому времени, когда я дошел до угла, мне уже было трудно сохранять вертикальное положение. Уцепившись за столб, я услышал, как женский голос встревоженно спросил:

— Что случилось? Вам нехорошо?

Я обернулся на голос и увидел на плоской крыше ближайшего дома женщину с приятным лицом. Как ни трогательна была эта забота, было уже поздно.

— Должно быть, это жара так действует на вас. Пожалуйста, зайдите сюда, — сказал она.

Я увидел, что она спустилась с крыши и услышал, как внизу открылась дверь. Она шла к воротам. Теперь я по-настоящему испугался и хотел было бежать, но не мог пошевелиться. Мои ноги были, как вареный рис. Я попробовал шагнуть, и на мгновение мне показалось, что я иду по воздуху. Затем наступила темнота.

Когда я снова открыл глаза, мир вокруг был полон теней. У меня мелькнула смутная мысль, что я уже в ином мире, но скоро мой разум прояснился, и я понял, что нахожусь в прохладной комнате, где кроме меня были еще женщины и дети. Возле кровати сидел доктор. Он улыбнулся и протянул мне большую кружку с водой, сказав:

— А ну-ка, старина, выпей это.

Я попытался выпить, но не смог. Тогда он попросил всех выйти из комнаты. Подошел еще один человек. Вероятно, его ассистент, который поддерживал меня, в то время как доктор засовывал мне в горло резиновую трубку, чтобы промыть желудок. Я давился и от всего сердца желал себе смерти. Я не понимал, что доктор, должно быть, уже знал, что я сделал.

Процедура заняла пятнадцать минут, но мне они показались пятнадцатью часами! Наконец доктор сделал мне укол и разрешил женщинам войти. Они поспешили в комнату взглянуть на своего неожиданного гостя. В одной из них я узнал ту добрую женщину, которая пригласила меня войти, и понял, что я в ее доме. Вокруг нее толпились дети, громко обсуждая происшествие. Они звали ее Апи. Она тепло поблагодарила доктора, на что он сказал:

— Я никогда не сделал бы этого ради кого-то другого. Если бы парень умер, я бы лишился лицензии врача. Это криминальный случай.

Только теперь я понял, что эти люди рисковали ради меня, и во мне поднялась волна благодарности к ним. Доктор вскоре ушел, а я остался лежать в чужой кровати среди незнакомых людей.

Они принялись расспрашивать меня, но, боюсь, что я был слишком сонный от укола, чтобы отвечать членораздельно. Уже засыпая, я услышал мужской голос, но лица рассмотреть не смог. Я уже спал.

Когда я проснулся, было темно. Я чувствовал себя гораздо лучше. Голова была достаточно ясной, чтобы различать окружающее. Я лежал в большой прохладной комнате, со вкусом обставленной. Я подумал, что Сам Бог, вероятно, привел меня, умирающего, к дому этих добрых людей, чтобы они нашли меня и вернули к жизни. Мне понравилась эта мысль, и хотя совсем недавно я жаждал смерти, теперь благодарил их за жизнь.

Я встал с постели, поскольку чувствовал себя много лучше. Услыхав, что я встал, двое мужчин вошли в комнату и представились. Один из них был хозяин дома, мистер Куреши. Я сердечно поблагодарил его за доброту ко мне. Он улыбнулся, и на мой вопрос, когда я должен буду уйти, ответил, что мы поговорим об этом позже.

— А пока, Масуд, ты должен остаться здесь. Если все будет хорошо, возможно, завтра ты сможешь уйти.

В этот вечер мы долго разговаривали. Моя грустная история разнеслась по всему дому. Я слышал, как люди потихоньку разговаривали обо мне. Когда я стал рассказывать, как искал истинного Бога и его последователей, все были удивлены. Женщины в волнении прижимали ладони к лицу. Перед тем как идти спать мистер Куреши обратился ко мне:

— Масуд, наш дом открыт для тебя. Мы будем рады, если ты останешься здесь и будешь жить как один из наших сыновей. Мы мусульмане и гордимся этим, потому что истина — это ислам, как ты убедишься. Только ислам может принести радость и удовлетворение. Здесь ты сможешь забыть свое языческое (ахмадийское) прошлое и найдешь истину.

Он произнес это с большим удовольствием, и Апи (миссис Куреши) согласилась с ним.

— Это правда, Масуд. Ищи с верой и усердием и ничего не бойся. Тебе повезло, что Бог показал тебе путь к истинной жизни. Ты ушел от язычников, здесь не будет преград твоим поискам. А теперь всем пора спать. Уже поздно.

Мальчик-слуга показал мне мою комнату. На мгновение я застыл на пороге. Мне показалось, что я сплю. Комната была похожа на номер-люкс в отеле. Здесь были мягкая кровать, стол, за которым я мог читать и писать. Была даже отдельная ванная комната. Мои мысли снова обратились к Богу. Как Он непредсказуем! Еще недавно я валялся на дороге, как дохлая собака, теперь я в комфорте и роскоши начинаю новую жизнь...

В шкафу у стены я к своей радости увидел множество книг. Я поспешно пересек комнату и пробежал взглядом по их корешкам. Это были исламские книги в дорогих переплетах. Комментарии к Корану соседствовали с книгой Хадис (книга преданий о жизни Мухаммеда), томами биографий и так далее. Я ликовал в предвкушении часов, проведенных за изучением всего этого. Глаза наполнились слезами, и я от всего сердца возблагодарил Бога за то, что Он, вместо того, чтобы позволить мне умереть, открыл для меня совершенно новую жизнь.

На другой день я проснулся с рассветом. Искупавшись в собственной ванне, я почувствовал, что все вчерашние черные мысли улетели прочь. Я позавтракал вместе со всей семьей, и после того, как мистер Куреши ушел на работу, его жена сказала мне:

— Сегодня мы с тобой пойдем на базар. Нужно купить тебе новую одежду.

Я был тронут ее добротой, и у меня мелькнула мысль, что это тоже делает Бог. Когда Он добр к нам, весь мир становится добрым. Если Бог возвышает кого-то, уже никто не может его унизить. Мне трудно было это осознать, но одно я понимал хорошо: Бог по какой-то причине решил излить на меня Свою доброту и показать мне, как Он заботится обо мне. Вслед за этой мыслью пришла другая, более тревожная: на самом деле, Он никогда не переставал быть добрым ко мне, просто я только сейчас начинаю постигать Его путь! Я шел за миссис Куреши, переполненный счастьем. Мне казалось, что все толпящиеся

на шумном базаре люди улыбаются мне. Когда хозяин магазина сообразил, что я пришел с этой почтенной женщиной, он приложил все усилия, чтобы угодить ей. Короче говоря, когда я пришел домой, то чувствовал себя одетым как король.

Куреши сразу полюбили меня. Никто не осуждал мои поиски, напротив, все были добры ко мне и старались помочь. Вспоминая теперь то время, я благодарю Бога, что Он давал мне именно то, в чем я в данный момент нуждался. Очевидно, тогда мне для того, чтобы следовать за Ним, было необходимо стабильное, наполненное любовью окружение, и в этом доме я получил его.

В Рабвахе мне приходилось читать только книги ахмадие, даже комментарии к Корану были написаны с точки зрения учения ахмадие. Теперь у меня появилась возможность взглянуть на вещи с другой стороны, и я с жаром взялся за это. Каждый день я проводил долгие часы за столом в своей комнате, изучая, сравнивая, анализируя, делая заметки. По вечерам я часто обсуждал свои исследования с мистером Куреши. Я заключил, что он весьма образованный человек, хотя и слишком догматичный. И все это время мое сердце было устремлено к Богу.

Таким весьма приятным для меня образом прошло почти два месяца. Куреши полностью приняли и даже полюбили меня. Они не позволили мне работать в их доме, хотя мне очень хотелось чем-то отплатить им за их доброту.

— О нет, Масуд, — сказала Апи. — Ты можешь оставаться здесь, сколько захочешь, и продолжать изучать истины ислама. У нас достаточно слуг, а ты для нас скорее сын, чем слуга, — и она ласково улыбнулась мне.

Однажды мистер Куреши позвал меня для разговора.

— Мы навели о тебе справки, Масуд, — начал он, и сердце у меня упало. Неужели мне придется уйти? Я мучительно ждал продолжения.

— Я предупредил твоих родителей, Масуд, что если они будут преследовать тебя, у них возникнут неприятности.

Надеюсь, ты не обидишься на меня за то, что мне пришлось таким образом поговорить с ними, но я подумал, что это будет лучше для твоего будущего.

Я перевел дыхание. Он заметил мое напряжение и ободряюще коснулся моей руки.

— Вы очень добры, Апа, — сказал я. — Но все-таки, если вы не возражаете, я хотел бы найти какую-нибудь работу.

Он нахмурился.

— В чем дело, Масуд? Тебе нужны деньги?

— Это не главное, — медленно ответил я. — Я хотел бы встать на ноги и не быть вам обузой.

Думаю, он понял мое желание быть независимым, поскольку в его голосе была прежняя теплота, когда он ответил:

— Хорошо, Масуд, это законное желание. Я найду тебе работу.

В 1971 году напряженность между Индией и Пакистаном из-за статуса Восточного Пакистана достигла пика, что и привело в декабре этого года к войне и образованию государства Бангладеш. В течение многих месяцев перед этими событиями в городе чувствовалось напряжение, люди ходили с озабоченными лицами, уверенные, что скоро начнется война. Я регулярно ходил на работу, а все свободное время посвящал занятиям и беседам с исламскими учеными, которым представил меня мистер Куреши.

И вот зимой началась настоящая война. Почти каждую ночь происходили воздушные налеты, выли сирены, люди спешили в убежища.

Однажды ночью я сидел в подвале дома, слушая, как где-то неподалеку рвутся бомбы. «Должно быть, эти индийские летчики — смелые ребята», — думал я, затыкая пальцами уши, чтобы не слышать взрывов. Как обычно, я молился, повторяя знакомые арабские слова мусульманских молитв. В ту ночь я читал *иман-мафаси*, исповедание веры. Но на этот раз я останавливался после каждой фразы, задавая себе вопросы.

— «Я верю в Бога», — громко читал я. — Так ли это? Действительно ли я верю? — В душе я знал, что верю. Я переходил к следующей части текста.

— «...и Его ангелов», — читал я. — Конечно, я верю в них.

— «...и Его книги». Да, — сказал я убежденно, вспоминая все, чему меня учили в детстве.

Когда звуки воздушного налета замерли и сирены возвестили отбой, я в глубокой задумчивости выбрался из подвала и пошел в свою комнату. Прежде чем включить свет, я завесил окна одеялами, чтобы свет не был виден в случае еще одного налета, и только тогда лег в постель. Однако уснуть так и не смог. Пришлось встать и включить настольную лампу, накрыв ее полотенцем. Я сел и открыл Коран. Наугад переворачивая страницы, я вдруг прочел:

> *«О вы, которые уверовали! Веруйте в Аллаха и Его посланника, и писание, которое Он низвел Своему посланнику, и писание, которое Он низвел раньше. Кто не верит в Аллаха и Его ангелов, и Его писания, и Его посланников, и в последний день, тот заблудился далеким заблуждением»* (Сура 4, ст. 136).

Я застыл над этими словами, сердце отчаянно билось. Что они значат? Я знал, что именно из-за Слова Божьего возникли мои разногласия с родственниками там, в Рабвахе. Они утверждали, что верят в Божье Писание, а на самом деле совершенно не хотели верить в него. Они верили только на словах, не применяя свою веру в жизни. Я же точно знал — Бог сказал, что книги, содержащие в себе *Инджил*, есть книги «...со светом и руководительством для людей» (Сура 6, ст. 91, Сура 40, ст. 53) и «книги ясные» (Сура 37, ст. 117). И затем слова из Суры 5, ст. 46: «И отправили Мы по следам их Ису, сына Мариам, с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в

Торе, и даровали Мы ему Евангелие, в котором — руководство и свет, и с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и руководством и увещанием для богобоязненных».

Сирена воздушной тревоги прервала мои лихорадочные размышления, и я неохотно выключил свет. Сидя в темноте, я думал: «Сколько раз я повторял эти слова, как говорящий попугай, но только сегодня, когда сосредоточился на них, они наконец дошли до глубин моего сознания». Внезапно у меня возникло горячее желание снова прочесть Библию, прочесть новыми глазами, с новых позиций. Да, я знал, что мусульманские ученые считают ее измененной и извращенной. Они не раз предупреждали меня, что изучение Библии подорвет и разрушит мою веру. Но сердце говорило мне совсем другое.

Если моя вера чего-нибудь стоит, она выживет. Она не похожа на хрупкий песчаник, который развалится на тысячи кусков, если его уронить! Если ты действительно веришь в истинного Бога, говорил я себе, с тобой все будет в порядке. Я твердо решил продолжить изучение этого вопроса. Мне нужно было сравнить Библию и Коран.

В конце концов, рассуждал я, слушая смертоносный лай зенитных орудий, если Коран советует мне верить в Библию, значит, во времена Мухаммеда она не была извращенной. И если я говорю, что она была изменена впоследствии, я выказываю непослушание Богу и отказываюсь верить Ему. В конце концов, если бы Бог считал, что Его слово будет позднее извращено, Он не ставил бы его так высоко. Таковы были мои рассуждения.

Во всяком случае, мне необходимо было снова достать Библию.

10

Библия и Коран

Когда я проснулся на следующий день, моей первой мыслью было достать Библию. Лучшим местом, где можно было бы попросить ее, мне казалась церковь, в которую я заходил сразу по приезде в Карачи, — Шотландская церковь Св. Андрея.

После завтрака я поспешил туда, надеясь встретить человека, который помог бы мне. Однако меня ждало разочарование, так как церковь была заперта. У меня не хватило смелости искать кого-нибудь. Опечаленный, я шел по улице, пока не увидел справа другую церковь — Центральную методистскую. Не колеблясь, я вошел в открытые ворота, думая, что смогу достать Библию здесь.

Четверо мужчин, беседовавших у входа, смолкли при моем приближении. Думаю, они поняли, что я мусульманин, поскольку вид у них был не очень-то дружелюбный. Я поздоровался и обратился к стоявшему ближе других ко мне человеку:

— Пожалуйста, не могли бы вы помочь мне достать Библию?

Один из них ответил:

— Почему вы не обратитесь в Библейское Общество? Там вам помогут.

Я впервые слышал о таком обществе, поэтому спросил адрес. Мне сказали, куда идти, но этот район Карачи не был мне знаком, а я хотел как можно быстрее получить Библию.

— Не могли бы вы дать мне Библию на время? — с надеждой спросил я. — Я верну ее, как только прочитаю.

Человек начал сердиться.

— Если вы действительно хотите читать Библию, вы можете ее купить. Но нет, вы все одинаковы. Вы все хотите читать, но никто не хочет купить, — сказал он раздраженно.

Меня удивил такой поворот дела.

— Я могу заплатить, — холодно ответил я. В это время подошли еще двое, прислушиваясь к разговору.

— О, преподобный, дайте ему Библию, — насмешливо сказал один из них.

Я видел, что он смеется надо мной. Но остальные слушали меня серьезно, и я постарался подробно объяснить, почему хочу получить Библию. Пастор (один из них оказался пастором), внимательно выслушав меня, спросил мое имя.

— Пойдем со мной, Масуд, поговорим у меня в кабинете.

Он пригласил меня сесть, и я продолжил рассказ о своих исканиях. Он слушал очень внимательно, и когда я снова попросил дать мне Библию, он, не раздумывая, достал книгу из шкафа. Держа ее в руках, он сказал:

— Масуд, береги эту книгу. Это Слово жизни.

Я с благодарностью взял книгу и предложил ему деньги, но он покачал головой:

— Слово жизни дается даром всем, кто искренне ищет его, — сказал он мягко и встал. — Возьми эту книгу и читай ее внимательно, она наполнит твою душу.

Я благодарно прижал Библию к груди. В это время пожилой господин, который также находился в кабинете, пригласил меня на богослужение в следующее воскресенье. Я сказал, что приду, и, попрощавшись с ними, ушел.

Вечером в «Новостях» мы услышали, что объявлено прекращение огня. Все сердца наполнились радостью и благодарностью. Однако правила светомаскировки все еще оставались в силе, и прежде чем сесть за чтение моей новой Библии, я тщательно завесил окно одеялом и накрыл лампу полотенцем. Сделав это, я приступил к чтению.

Я открыл Библию наугад и начал с Книги Бытие. Первые же слова приковали мое внимание. Здесь была та же созидательная работа Творца, то же сотворение света и так далее. «Все так же, как в Коране», — подумал я, вспомнив слова: «Когда Он производит вещь, Он просто говорит: «Будь» и это есть».

В тот вечер я занимался гораздо дольше, чем обычно, полностью поглощенный тем, что читал. Когда наконец закрыл книгу и лег в постель, глаза мои горели, а мысли кипели. Мне казалось, что передо мной проходит процессия патриархов. Те же пророки, которые упоминались в Библии, были знакомы мне из чтения Корана. Те же Ной, Авраам и Лот. Те же Измаил, Исаак, Иаков и Иосиф. Та же история Моисея и фараона. Тот же Аарон.

Тот же Давид, поющий Забур, прекрасные псалмы...

Тот же Соломон, которому даны мудрость и знание...

Тот же Иов, даже тот же Иона...

В тот вечер мне показалось, что весь Ветхий Завет напоминает комментарии к Корану.

Следующие несколько дней были заполнены жадным изучением Библии. Куреши заметили, что я провожу больше времени в своей комнате, и были немного встревожены, хотя и ничего не говорили. К тому времени мне стали понятны несколько важных моментов. Например, ислам учит, что пророки жили совершенно святой, безгрешной жизнью, но чем больше я читал Библию, тем больше убеждался, что здесь они предстают в совершенно ином свете — как смертные люди, подверженные всем слабостям человеческой плоти. Мне было странно читать описание похоти Давида, возмущения Иеремии против Бога и непослушания Моисея. Я был шокирован тем, что о таких вещах написано так прямо и открыто, но был и ободрен. Эти люди были такими же слабыми, как я, и тем не менее, Бог использовал их... Я продолжал читать.

Размышляя над этим, я испытывал противоречивые чувства. С одной стороны, мне казалось, что об этом нельзя писать так

открыто, с другой — я чувствовал в этой открытости свидетельство истины. Одна моя половина кричала: «Это богохульство!» Раз или два я даже закрывал Библию и откладывал ее. Но тихий голос внутри меня говорил: «Если эти книги были переделаны, почему же израильтяне не убрали из них эти истории? Ведь они так гордятся своими предками. Почему же эти истории все еще здесь?» Это было очень убедительно для меня.

С этими мыслями я открыл Коран, чтобы узнать, есть ли там что-нибудь о прощении в связи с жизнью пророков и патриархов. К моему удивлению, я обнаружил, что в Коране сказано об этом. Многие из этих Божьих людей совершали грехи и просили Бога простить их за это. Например Адам (Сура 7, ст. 23,24), Ной (Сура 11, ст. 47), Авраам (Сура 28, ст. 16) и Давид (Сура 38, ст. 23,24).

Для меня это было открытием, поскольку мусульмане считают всех их безгрешными.

К этому времени Куреши стали проявлять обеспокоенность по поводу моих занятий. Однажды вечером миссис Куреши сказала мне:

— Масуд, ты должен понимать, что так много заниматься вредно. Тебе надо побольше гулять.

Я поблагодарил ее и ответил, что мои занятия успешно продвигаются. Мои слова не удовлетворили ее.

— Масуд, тебе надо сравнить жизни Мухаммеда и Иисуса. Ты увидишь, что наш Мухаммед — настоящий образец для подражания и единственное благословение для мира.

В воскресенье, вспомнив обещание, данное пожилому джентльмену в Центральной методистской церкви, в полдень я отправился на богослужение. Когда я пришел, служба вот-вот должна была начаться. Я тихонько проскользнул в последний ряд. Служба не произвела на меня большого впечатления, хотя я был поражен той ролью, которая в ней отводилась Иисусу. Все они называли Его Господом и Спасителем. Одна половина

моего существа восставала против этого, в то время как другая половина находила это весьма полезным и умиротворяющим.

Проповедник заметил меня в последнем ряду и после проповеди приветливо обратился ко мне. Его звали мистер Винсент, с ним был мистер Месси, тот джентльмен, который пригласил меня на богослужение. Мистер Винсент пригласил меня в свой кабинет.

Мы довольно долго беседовали. У меня было много вопросов, и я наконец решился спросить, могу ли задать их. Мистер Винсент кивнул.

— В Коране, — начал я, — мы находим доктрину о рождении, учении, чудесах и вознесении Иисуса, но там нет слов «Отец» или «Сын». Ведь в Коране сказано: «Он не рождал и не был рожден...»

Мистер Винсент внимательно смотрел на меня, пока я говорил, потом ответил:

— Ты прав, Масуд. В Коране Бог имеет очень важное Имя — «Алвадоод». Тот, Кто любит. Но Инджил, Евангелие, говорит, что Он не только любит, но Он и есть сама любовь. Другими словами, Его не просто зовут Алвадоод, но Он есть воплощенный Алвадоод.

Наша Библия использует слова «Отец» и «Сын», чтобы отразить восстановление отношений между Богом и человечеством. Ислам учит, что Бог есть Господь, а мы все — Его слуги. Но Евангелие, Инджил, говорит об Иисусе: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16).

— Это и есть моя проблема, — вставил я. — Как Иисус Христос может быть Сыном Божьим?

Мистер Винсент улыбнулся моему нетерпению.

— Мы говорим о духовном родстве, Масуд, и ты должен это ясно понять. Это не имеет ничего общего с плотским рожде-

нием, и как раз это мусульмане не могут или не хотят понять. Мы говорим о духовном родстве.

Попробую проиллюстрировать это. Когда мы называем Мухаммеда Али Джиннаха «Отцом нашего народа», разве это значит, что весь пакистанский народ порожден им, произошел от него? Конечно же, нет! И точно так же мы, христиане, верим в то, что Бог говорит «о Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти и открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, чрез воскресение из мертвых, о Иисусе Христе Господе нашем» (Рим. 1:3–4).

Его лицо сияло, когда он произносил эти чудные слова, и я увидел, как много они значат для него.

— Но согласно Корану — продолжал он, — Христос носит имя «Слово Бога» и «Дух Бога». Эти же термины используются и в Библии, где Он также назван «Сын».

Если мы верим, что Бог вечен, то и Дух Его, без сомнения, должен быть вечен, а Христос — Дух Божий. Это явно означает, что Иисус также вечен, и заставляет нас верить в божественность Иисуса Христа. Он, без сомнения, вечен.

Я просто онемел. Никогда раньше мне не приходилось слышать столь исчерпывающего объяснения. Я много раз слышал, что мусульмане говорят об Иисусе, но я впервые слышал изложение этого вопроса с христианской точки зрения. Я чувствовал, что разбит в пух и прах представленными аргументами. Все мое мусульманское наследие побуждало меня отвергнуть эти рассуждения, но в то же время на сердце у меня становилось тепло. Мне вдруг вспомнились кем-то однажды в шутку процитированные слова поэта: «Читая Евангелие, мусульманин отворачивается от ислама».

Неужели это может случиться и со мной!?

Мистер Винсент, казалось, понимал мои мучения. Он не торопил меня. Наконец он спросил, есть ли у меня еще вопросы.

Я медленно покачал головой, потому что главный оплот моей исламской крепости был разбит.

— Если вы не возражаете, сэр, — сказал я, — я задам остальные вопросы в следующий раз. Сначала я должен как следует изучить то, что мы обсудили сегодня.

Он встал из-за стола и подошел ко мне.

— Я хорошо понимаю, Масуд, — сказал он. — Буду рад видеть тебя в любое время.

Следующие несколько дней я посвятил обсуждению услышанного в церкви с исламскими учеными, однако сила, заключенная в словах мистера Винсента, оставалась со мной. Я не мог забыть его слов. Я даже специально посетил знаменитого исламского ученого Маулану Фазлура Рахмана, руководителя Центра всемирной исламской федерации в Карачи. Этот человек был очень занят, встретиться с ним было трудно. Однажды вечером после молитвы я отправился к нему, захватив рекомендательные письма. Однако его аргументы не убедили меня.

— Веришь ли ты, что Бог есть Создатель? — резко спросил он.

— Да, без сомнения, Бог есть Создатель.

— Итак, — продолжал он, — если ты хочешь быть истинным мусульманином, у тебя не должно быть вопросов о Боге. Ну а как с Мухаммедом? Веришь ли ты, что Мухаммед — Пророк Божий, что он благословение для мира и что ислам — истинная религия?

Это нагромождение вопросов сразило меня. Он ясно давал понять, что о таких вещах дискуссии быть не может, должна быть только вера.

— Господин, — спросил я, — должен ли я верить слепо?

— Но даже в христианстве верующий должен иметь слепую веру, — нашелся он.

— Может быть, — сказал я, — но в христианстве существует множество свидетельств, доказывающих истинность тех

или иных положений. Я хотел бы найти такие же свидетельства для мусульманской веры.

Он обрушил на меня поток догм. Я должен верить, верить, верить, настаивал он. Верить в пять основных постулатов ислама, не задавая вопросов. Все эти аргументы были обращены к моему разуму, мое сердце оставалось безучастным. Если я начинал говорить о библейском взгляде на Троицу, об Иисусе как Сыне Божьем, то он даже не слушал меня.

В конце концов я извинился и встал. К этому времени он и сам был готов вышвырнуть меня за дверь. Он сунул мне несколько статей (некоторые из них он написал сам) и велел внимательно прочесть. Все они были о том, как извращено христианство, и сухими, как пыль на дороге. Я принял решение внимательно изучить и сравнить жизнь Иисуса и Мухаммеда. Я вспомнил совет миссис Куреши и решил, что пора осуществить его. На следующий день вечером я наугад открыл Библию и прочел:

> *Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не написано в книге сей. Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его* (Ин. 20:30–31).

Эти слова, казалось, были сказаны специально для меня, однако снова божественность Иисуса стала мне поперек горла, я никак не мог принять ее. Чудеса! Вера! Вечная жизнь! Что же это был за человек, Иисус Христос? Я решил изучить Его великую жизнь и посмотреть, куда это меня приведет. Я знал, что в Коране упоминаются чудеса Иисуса, хотя и не всегда те, что в Библии. Хадис повествует о том, что Мухаммед расколол Луну на две части, хотя там есть также рассказ об исцелении больного, о насыщении учеников и тому подобное. Отличаются

ли чудеса Иисуса от тех, которые приписываются Мухаммеду? Однако Коран определенно утверждает, что Мухаммед не совершал чудес! Неужели мусульмане вынуждены говорить о его чудесах, чтобы Мухаммед мог сравняться с Иисусом?

Я вспомнил стих 7 Суры 13, где написано: «И говорят те, которые не веровали: «Если бы ему ниспослано было знамение от его Господа! Поистине, ты — только увещатель, и у всякого народа есть водитель!»

И далее, в стихе 50 Суры 29 сказано о Мухаммеде: «Они сказали: «Если бы ниспосланы были ему знамения от твоего Господа!» Скажи: «Знамения только у Аллаха, и я ведь только ясный увещатель».

Другими словами, пророк Мухаммед никогда не претендовал на совершение чудес. Но ясно, что для Иисуса чудеса были так же естественны, как дыхание! Мне стало не по себе, когда я обдумал все это.

Только Бог может творить чудеса. Христос творил чудеса. Посмею ли я сделать логическое заключение — что Христос есть Бог?

Мое сердце затрепетало в молитве: «О великий Творец, укажи мне истинный путь, путь тех, к кому Ты благоволил, а не тех, кто заслужил Твой гнев, не тех, кто заблудился». Я молился от всего сердца, со слезами на глазах.

В этот момент я почувствовал, что в комнате кто-то есть и хочет мне что-то сказать. Я быстро оглянулся, но никого не увидел. Однако что-то или кто-то продолжал звать меня. Я взглянул на открытую Библию, которая лежала на столе. Она была открыта не на той странице, где я только что читал. Не веря своим глазам, я прочел:

> «*Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят*» (Мф. 7:7–8).

Бог говорил мне! Именно Он показал мне эти слова. Я затрепетал, поняв, что Он принял мою молитву и дал мне ответ.

Всю следующую неделю я продолжал изучать чудеса, описанные в Библии. Я обнаружил значительную разницу между чудесами иудейских пророков и чудесами Иисуса. Мне показалось, что пророки часто использовали свою силу ради собственной выгоды, в то время как Иисус — никогда.

Например, Илия говорит сарептской вдове: «...сделай небольшой опреснок для меня, и принеси мне; а для себя и для своего сына сделаешь после» (3 Цар. 17:13). Очевидно также, что пророки иногда использовали силу Божью, чтобы принять решительные меры против своих противников (4 Цар. 1:9–14).

Но Иисус, имеющий силу от Бога, никогда не призывал ангелов, чтобы спасти Свою жизнь и разбить врагов.

Пророки говорили: «Так говорит Господь...» Иисус же всегда говорил: «Истинно, истинно говорю вам...»

Мухаммед сказал о себе:

> *«Я ведь — человек, подобный вам; ниспослано мне откровение о том, что Бог ваш — Бог единый. И кто надеется встретить своего Господа, пусть творит дело благое и в поклонении Господу своему не присоединяет к Нему никого»* (Сура 18, ст. 110).

Иисус же говорит о себе так: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11:28); «Я и Отец — одно» (Ин. 10:30); «...никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Ин. 14:6).

Мусульмане знают, что Мухаммед, называемый «Благоволение для вселенной», сказал о себе: «Я не владею для самого себя ни вредом, ни пользой, кроме того, что пожелает Аллах» (Сура 10 ст. 49).

Иисус же сказал: «...дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28:18).

Все это совершенно ошеломило меня. Передо мной был Мухаммед, который, как меня учили, принес благословение миру, но какой силой он даровал нам это благословение? Он был всего лишь смертный, как все мы, думал я, и любой мусульманин может видеть его могилу. Он не может спасти нас. С другой стороны, Иисус, Которому ислам приписывает весьма ограниченные способности, мог сказать о Себе: «...Я есмь воскресение и жизнь...» (Ин. 11:25).

Великий пророк ислама спит вечным сном в могиле в Медине, гроб же Иисуса, в котором Он провел три дня, пуст, и многие видели, как Он был взят на небеса.

Пророк Мухаммед символизирует безопасность и мир для миллионов людей. Однако он сам нуждается в наших молитвах и прошениях за него. Пять раз в день все правоверные мусульмане мира молят Аллаха даровать мир их пророку!

Было ясно, что я подошел к решающей точке. *Маулви*, к которым я обращался со своими проблемами, не могли дать мне ответа. Они только сердились, хотя я не хотел ничего разрушать, я просто хотел знать. И теперь я уверен, что в мире есть множество мусульман, которые, как я тогда, хотят знать истину.

11

Свет во тьме

Мистер Месси, седовласый джентльмен, жил один и всегда был рад видеть меня. В тот день он встретил меня особенно приветливо. Я подождал в кухне, пока он готовил чай. Взяв чашки с чаем, мы прошли в холл и сидели там, спокойно прихлебывая обжигающую сладкую жидкость.

На стоящем рядом столе я заметил небольшую книжечку под названием «Спасение». Я открыл ее и прочитал несколько страниц.

В этой книге было что-то такое, что побудило меня задать мистеру Месси вопрос:

— Мусульмане верят, что нас спасает праведность, вера в Аллаха и наши добрые дела. Так ли это в христианстве?

Мистер Месси покачал головой.

— Нет, Масуд. Мы верим, что «все согрешили и лишены славы Божьей». Мы не можем спасти себя праведными делами. Под небом есть только одно имя, которое может нас спасти — имя Иисуса, нашего Господа. Это единственный путь получить прощение Бога и спасение.

В тот день я услышал от него еще многое, чему я сразу поверил. Мы долго разговаривали, и я чувствовал, что наконец-то получаю ответы на мои вопросы.

Мистер Месси на своем жизненном опыте постиг те истины, которые теперь передавал мне. Он перебрался в Пакистан из

Индии во время раздела 1947 года и многие годы работал на военном складе. Позднее он переехал в Карачи, где и жил с тех пор. В его жизни было много горя. Его жена умерла несколько лет назад, и, насколько я знаю, у них были дети, но все они умерли. Несмотря на это, лицо этого человека сияло светом веры в Господа Иисуса. Я видел, что он хорошо понимает истинную ценность того, о чем говорит.

Перед уходом я спросил, не может ли он дать мне книги, где сравнивалось бы христианское учение и ислам, но он ответил, что у него таких книг нет.

— Сегодня такие книги в Пакистане найти очень трудно, Масуд. Пакистанское правительство не разрешает публиковать подобные книги, хотя они есть. Люди, у которых хранятся такие книги, подвергаются крупным штрафам.

Я впервые слышал об этом и был очень удивлен, поскольку всегда считал, что в подобных вопросах человек свободен следовать собственным склонностям и изучать все, что хочет, особенно, если дело касается религии. Мистер Месси дал мне несколько христианских книг и проводил до двери.

Прежде чем я вышел, он положил мне руку на голову и сказал:

— Да благословит тебя Бог, сын мой.

Дома меня ждал мистер Куреши. У него были хорошие новости. Он сказал, что нашел вакантное место в почтовом ведомстве и что я должен заполнить бланк заявления. Я был очень рад.

— Спасибо, Апа, — запинаясь от радости, пробормотал я. Он улыбнулся.

— Тебе нужно побыстрее подать заявление, — сказал он, давая мне адрес. — Но сначала поешь, уже все остыло.

Все были в хорошем настроении. Миссис Куреши вдруг заметила:

— Масуд, последние дни ты часто ел с христианами. Когда ты собираешься есть с нами, тебе следует хорошо вымыться и прочесть калиму, чтобы не принести за стол ничего нечистого.

Я обратил ее слова в шутку.

— Апи, мне кажется, вам нужно пойти дальше!

Она удивленно посмотрела на меня. Я поднял тарелку и показал всем маркировку на донышке.

— Как вы видите, эти тарелки сделаны в КНР. Они там все коммунисты, а это гораздо хуже, чем христиане; ведь они совсем не верят в Бога. Думаю, нам всем, перед тем, как мы будем есть из этих тарелок, нужно читать весь Коран целиком. Вы не согласны?

Все захохотали.

В феврале 1972 года я получил из почтового ведомства извещение о том, что принят на работу. Но перед этим я должен был пройти трехмесячную подготовку, на что уходило все мое время, и в результате я не мог заниматься ничем другим. Затем я приступил к работе и после восьмичасового рабочего дня мог продолжать свое чтение.

Я прочел все христианские книги, какие только мог достать. Я, конечно, хотел бы читать и на службе, когда было свободное время, но это было невозможно. Моя работа в основном состояла в осуществлении контроля. Меня научили проверять, не вскрывались ли почтовые отправления, нет ли в них недозволенных вложений и т.д. Это было ответственным делом, но я с нетерпением ожидал конца рабочего дня, чтобы продолжить столь важные для меня занятия.

Однажды вечером я изучал проблему греха и его возникновения. Меня поразило, что в Коране не было упоминаний о греховности Иисуса. Конечно, Он мог спросить своих противников: «Кто из вас обличит меня в неправде?» (Ин. 8:46).

Правда и то, что Коран не говорит о греховности Мухаммеда, хотя есть стихи, такие как Сура 110, ст. 3, в которых говорится: «...то восславь хвалой Господа твоего и проси у Него прощения! Поистине, Он — обращающийся!»

Или Сура 48, ст. 1–2:

«Мы даровали тебе явную победу, чтобы Аллах простил тебе то, что предшествовало из твоих грехов и что было позже, и чтобы завершил Свою милость тебе и повел тебя прямым путем».

Прочитав эти стихи, я был поражен разницей между современным учением ислама о безгрешности Мухаммеда и тем, что говорит Коран.

Мне также стала видна огромная разница между представлением Иисуса и учением ислама в отношении женщин. Например, Его учение о разводе (Мф. 5:31–32) полностью противоречит положениям ислама. В то время как Иисус Своим учением защищает жен, Коран учит совсем другому:

«А те из ваших женщин, которые совершат мерзость, — возьмите в свидетели против них четырех из вас. И если они засвидетельствуют, то держите их в домах, пока не упокоит их смерть или Аллах устроит для них путь» (Сура 4; ст. 15).

Если это и есть пресловутое «равенство», данное мусульманским женщинам, то чего же оно стоит! На практике ислам дает мужчинам явные преимущества, женщина же рассматривается просто как часть собственности. Даже в раю для женщин не предусмотрено никакой радости. Мужчинам обещано много — в том числе явно аморальные удовольствия, но о женщинах Коран молчит. Меня возмущала эта философия, ставящая женщин в такую зависимость от мужчин.

Я задумался и тихо сидел в кресле. Вдруг на моих глазах ветерок легонько тронул страницы Библии и перевернул их. К моему удивлению, книга открылась на том месте, которое прямо обращалось к моему сердцу:

«...выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее; ибо грехи ее дошли до неба, и Бог воспомянул неправды ее» (Откр. 18: 4–5).

Прочитав эти слова, я безмолвно затрепетал. Что мне делать? Я не мог даже молиться. На одной чаше весов было мусульманское учение о рае, а на другой — простые слова Иисуса:

«Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах» (Мк. 12:25).

Мне кажется, что люди, которые рассматривают ислам как полную систему законов и правил на все случаи жизни, ошибаются. Они кричат, что ислам освободил женщин. Но действительно ли это та свобода, которую Бог предназначил для женщин, созданных Им? Я приходил в ярость, вспоминая, что мусульманская женщина не имеет права развестись с мужем, в то время как мужу достаточно троекратно повторить «Я развожусь с тобой», чтобы стать свободным. Мне хотелось выйти на улицу и кричать: «О, люди ислама, посмотрите на разведенных женщин в нашем мусульманском обществе. Посмотрите на женщин, которые проводят свои дни в доме родителей. Посмотрите на них, попрошайничающих или продающих себя из-за того, что их бросили мужья. Посмотрите на страдающих детей. Посмотрите на этих женщин, люди ислама: они выброшены из своих домов мужьями и не могут вести достойную жизнь. Взгляните на них, и пусть нам будет стыдно за наше исламское общество! Взгляните на женщин, чьи мужья, имея нескольких жен, не могут как следует содержать их. Разве это не беззаконие, творящееся во имя чистоты ислама?»

Я почувствовал свое бессилие. Кому я мог сказать все это? Кто стал бы меня слушать? Я плакал и взывал к истинному Богу: «О мой Бог, укажи мне истинный путь!»

Все это время я работал помощником инспектора Пакистанской почтовой службы. Моей обязанностью было не пропускать нелегальные материалы, проходящие транзитом в другие страны или присланные в Пакистан. Вскоре я обнаружил, что многие мои коллеги совершали весьма постыдные поступки. Например, найдя в конверте валюту, они не сдавали ее в государственный банк, как предписано правилами, а просто присваивали ее. Так же они поступали с порнографией или с другой нелегальной литературой. Порнографические журналы пользовались большим спросом у высших почтовых начальников, любили они и валюту.

В мои обязанности также входило находить антиисламские материалы и сообщать о них, после чего их уничтожали. К тому времени мои симпатии к христианству окрепли, поэтому я взял за правило читать христианские журналы и выписывать из них адреса, чтобы самому писать христианам. Таким образом, скоро я стал получать журналы, отражающие различные теологические подходы. Теперь я понимаю, что это было не слишком полезно для меня, но тогда я был счастлив черпать знания из любых источников. Таким образом я принял множество бесполезных идей. Среди прочих мне попадались издания таких лжехристианских сект, как мормоны, свидетели Иеговы, «христианская наука».

Однако, поскольку в основном я питался здоровой христианской литературой, Бог хранил меня и мое стремление к правде, что принесло в дальнейшем свои плоды.

И все время я продолжал сравнивать. Я сравнивал исламское стремление к ритуальной чистоте приходящего к Богу с убеждением христиан, что чистым должно быть сердце молящегося. Евангелие от Иоанна (4:24) очень ясно сказало мне об этом:

«Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине».

Думаю, что именно решение вопроса о распятии Христа научило меня, что Бог может прямо указать мне истину. Я прочитал об этом несколько книг, но истинное понимание было дано мне самим Богом. Теперь я верю, что Его Дух дал мне возможность увидеть в самом Коране доказательство того, что Иисус был распят, умер и вознесся на небеса. Для меня это имело решающее значение, и я воскликнул: «О Боже, если это правда, то недалек тот день, когда я стану христианином, признающим, что Ты — истинный Бог и Отец Господа Иисуса Христа».

Я встретился с тремя толкованиями. Первое — христианское учение, утверждающее, что Христос, Мессия, пришел в мир, был распят, погребен, воскрес на третий день и через сорок дней вознесся на небо. Это мне было понятно. Затем учение ортодоксального ислама о том, что Иисус не был распят, но живой вознесся на небо.

И наконец, знакомая мне с детства доктрина ахмадие: Христос был распят, но не умер на кресте, а просто потерял сознание. Затем был приведен в чувство и после этого много лет жил в Кашмире.

Больше всего меня удивляло то, что обе исламские группы «доказывали» свою точку зрения, опираясь на Коран.

Учение ахмадие было во многом противоречивым. Не буду вдаваться в детали, скажу только, что богословы ахмадийцев предлагают по крайней мере три различные версии смерти Христа и не могут договориться друг с другом. По этой причине я отказался от их трактовки.

А что же Коран? В Суре 4, ст. 157, сказано: «...и за их слова: «Мы ведь убили Мессию, Ису, сына Мариам, посланника Аллаха» (ведь) они не убили его и не распяли, но это только

представилось им; и, поистине, те, которые разногласят об этом, — в сомнении о нем; нет у них об этом никакого знания, кроме следования за предположением. Они не убивали его, — наверное, нет, Аллах вознес его к Себе: ведь Аллах велик, мудр!».

Ислам утверждает, что для пророка быть убитым — ужасное бесчестье, поэтому невозможно допустить, что Христос был распят. Однако стих 155 ясно говорит об иудеях, убивающих пророков: «И за то, что они нарушили их завет, и не веровали в знамения Аллаха, и избивали пророков без права, и говорили: «Сердца наши не обрезаны»...». Но как же пророк может перестать быть пророком только потому, что он отдал жизнь ради своего служения? Скорее наоборот, это казалось мне весьма почетным.

В чем же состоит правда о смерти Христа? Ясно, что ответ — в Библии, в той самой Библии, которую многие мусульмане отвергают, в то же время используя ее для своих комментариев и ссылок. Ответ можно найти в Деяния 2:22–36:

> *«Мужи Израильские! выслушайте слова сии... Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли».*

Я знал, что мусульмане не согласны и с этим. Некоторые говорят, что вместо Иисуса был распят Иуда Искариот, другие — что это не так. Если бы это был Иуда Искариот и если бы Бог сделал его, как говорят мусульмане, внешне похожим на Иисуса, разве это не было бы жульничеством? Почему Иуда не кричал? Разве Бог обманщик, чтобы участвовать в таких подменах? Все мое существо отказывалось принять такую идею.

Но как же с Симоном Киринеянином? Многие мусульмане верят, что, поскольку он нес крест Иисуса, люди приняли его за Иисуса и распяли! Однако мой разум отказывался верить и этому. Как мог Иисус, истинный пророк Божий, допустить та-

кой ужасный обман? Это немыслимо. Кроме того, если история распятия Иисуса — просто выдумка, тогда кем же мы должны считать Его учеников? Как они могли пойти на такую ложь? Как они могли проповедовать любовь и послушание Богу, согласившись на такую невероятную ложь? Это немыслимо. Как бы могли такие лицемеры иметь плод на земле или на небесах?

Нет, заключил я, и Коран, и Хадис согласны, что Иисус был распят, умер и взят Богом. И к моему полному удовлетворению я заключил, что в личности Иисуса воплотились пророчества Ветхого Завета. Я закрыл книгу. Мои поиски подошли к концу, настало время подумать о следующем шаге.

12

К свету Сына

В ближайшее воскресенье я был в церкви и вместе с другими христианами от всего сердца пел гимн «Как Ты велик». Слова гимна звучали в моей душе, призывая меня быть честным с самим собой.

«Масуд, — сказал я себе, когда гимн кончился и все сели, — нельзя держать два меча в одних ножнах, нельзя служить одновременно двум господам. Ты должен решить, за кем ты последуешь — за Мухаммедом или за Иисусом? В любом случае тебе нужно сделать выбор — и как можно скорее».

Я сознавал необходимость выбора, однако мое положение было очень трудным. Мне было ясно, что если я решусь следовать за Христом, то буду навсегда отвергнут семьей и друзьями. Кроме того, у меня еще оставалась крохотная надежда, что я смогу, оставаясь в исламе, быть последователем Иисуса.

Однако здесь возникла теологическая проблема. Ислам призывал меня знать одного истинного Бога и Мухаммеда, пророка Его, и совершать добрые дела, чтобы спасти себя. Но если я следую за Христом, Он Сам сделает все это для меня, ибо сам я никак не могу спасти себя.

Ислам говорит мне, как я могу доставить удовольствие Богу, а христианство подчеркивает, что Христос уже совершил, раз и навсегда, дело примирения человечества с Богом. Я знал, что моя греховная природа лишает меня возможности угодить Богу.

Коран рисовался мне как путеводитель для праведных, для тех, кто не делает зла. Библия же совершенно ясно говорит, что она есть Слово жизни для грешников, среди которых сам апостол Павел называл себя «наихудшим».

Центром же всего была личность Христа. Без Него все здание христианства рушилось, как саманный домик во время землетрясения. Мухаммед же изображался в Коране просто как «посланник, до которого были посланники» (Сура 3, ст. 144).

Между этими двумя личностями я видел такую огромную разницу!

Проповедь продолжалась, а перед моим внутренним взором проходила вся моя жизнь. Я бросил все и устремился искать истину. И вот теперь, когда я, кажется, нашел ее, я разрывался между двумя могущественными силами. Я боялся ринуться вперед, но, оглядываясь назад, видел только черствость и законничество ислама. Я слышал, как зовет меня Христос: «Следуй за Мной, и Я дам тебе покой».

В то же время я со страхом ожидал, что будут думать обо мне Куреши. Буду ли я в их глазах неблагодарным человеком, отплатившим злом за их гостеприимство и доброту? Никогда раньше я не встречал такой любви, как в их доме. Они приютили меня, беспомощного, одинокого и умирающего. Они были для меня «ангелами» — посланниками от Бога, приносящими помощь моему телу, как вороны приносили хлеб Илии, спасающемуся от Ахава. Что будет, если я признаюсь им, что собираюсь стать христианином? Мое сердце замирало от неопределенности.

Я читал и Библию, и Коран, ожидая получить совет из обоих источников. Я ходил в церковь, но также довольно регулярно посещал мечеть. Я слушал христианских пасторов и *маулви*. И все время чувствовал, что пора принимать решение.

В моей комнате было радио. Куреши любезно разрешили мне пользоваться им, как только я поселился у них. Я регулярно

слушал программы, передаваемые Дальневосточной радиовещательной ассоциацией, с тех пор как мистер Месси сказал мне об этих программах. Куреши тоже иногда слушали эти программы, но их это мало интересовало; кроме того, вечерние программы часто перебивались московским радио.

Однажды утром, собираясь на работу, я слушал радио. Какой-то проповедник рассуждал о Царствии Небесном. Я слушал в полуха, но в конце он прочел стихи из Библии, которые потрясли меня:

> *«Итак не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или: «во что одеться?» потому что... Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф. 6:31–33).

Эти слова были обращены прямо к моему сердцу. Отец знает сердца Своих детей, думал я. Только Он мог знать, как я боюсь оказаться выброшенным из дома Куреши, снова скитаться без крова и пищи. Только Он мог знать, как угнетал меня этот страх. Теперь я знал, что если потребуется, то смогу принять это.

Я взял на работе трехдневный отпуск и все это время провел, прислушиваясь к словам из Евангелия от Матфея, звучавшим в моих ушах. Я не то чтобы молился, я ждал, чтобы Бог как-то проявил Себя в моей жизни (как будто Он этого еще не сделал!). Теперь я вижу, что эта мысль была не от Бога. Внезапно мне на ум пришли Слова из Библии: «... столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня...?» (Ин. 14:9).

Я открыл Библию, нашел эти слова из Евангелия от Иоанна и прочитал внимательно три стиха (Ин. 14:5–9). Эти слова, казалось, были обращены прямо ко мне, и я почувствовал себя совершенно разбитым, неспособным полностью довериться Ему.

Передо мной было зеркало, но я не мог взглянуть самому себе в лицо. Я слышал шаги в доме, кто-то приходил, кто-то

уходил, но я был один со своими мыслями и страхами. Мысленно я снова пересмотрел все свои сомнения и видел, что выхода нет. Все было ясно.

Тот Бог, Который сказал мне в детстве: «Учись в этой школе, а когда закончишь ее, Я возьму тебя в Свою школу», ждал меня — а я боялся. Тот Бог, Который любящей рукой вел меня, чтобы я мог найти истину, ждал меня — а я пятился назад. «Может быть, Он уже устал ждать», — вдруг в панике подумал я и, совершенно раздавленный, разрыдался.

В полном изнеможении я, должно быть, уснул, поскольку внезапно комната осветилась ярким светом и стены как бы исчезли. В моем воспаленном мозгу возникла сцена, которую я сразу узнал — это был эпизод, описанный в 20-й главе Евангелия от Иоанна. Я увидел Фому, сидящего среди других апостолов. Он выглядел расстроенным и сомневающимся. Вдруг я увидел среди них Иисуса, говорившего: «Мир вам». Я заметил, что у Фомы от удивления открылся рот.

Иисус сказал Фоме: «Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим».

Фома упал к ногам Иисуса и воскликнул: «Господь мой и Бог мой!» Иисус поднял его со словами:

«Фома, ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие».

Постепенно видение исчезло. Я стоял посреди комнаты и думал о том, что только что видел и слышал в своем сне. Я очень хорошо понял, какое это было послание. Я был подобен Фоме, сомневающийся и недоверчивый, и Иисус показывал мне, что Он все еще любит меня и зовет за Собой.

Внезапно я почувствовал огромную скорбь. «Он был у двери моего сердца все это время, а я не открывал Ему», — шептал я. Сатана одержал легкую победу, потому что я не остерегался его. Как я мог слушать его, когда Господь всей вселенной стучался в дверь моего сердца?

Я опустился на колени и воззвал: «О Господь, я верю. Прости мой скептицизм, мое упрямство и прими меня».

И я услышал внутри себя тихий голос: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак будь ревностен и покайся» (Откр. 3:19).

Я встал с колен другим человеком. Мне казалось, что все мое существо поет: «Как Ты велик». Никогда раньше у меня не было такого чувства покоя, мира и безопасности, как в ту ночь, 26 апреля 1973 года. Более чем двухлетние изучения и поиски были завершены. Моя душа познала наконец, что Иисус Христос — мой Господь и мой Бог, к славе Бога Отца.

На следующий день я пошел к мистеру Месси. Его не было дома, и я, ожидая его, решил выпить чаю в ресторанчике по соседству. На сердце у меня было светло. Мистер Месси был удивлен, открыв дверь на мой звонок.

— Ты сегодня другой, Масуд, — заметил он, и я был счастлив уверить его, что я действительно другой. Он взял меня за руку и провел в гостиную, уютную комнату, стены которой были покрашены светлой краской.

— Как продвигается твое изучение Библии, Масуд? — спросил мистер Месси.

Я посмотрел ему прямо в глаза и словами эфиопского евнуха просто ответил: «Что препятствует мне креститься?» (Деян. 8:36).

Он понял смысл моих слов, но в его ответном взгляде не было улыбки.

— Ты понимаешь, что это значит, Масуд?

— Понимаю, — сказал я, — и Бог поможет мне.

— А если смерть, Масуд? — настаивал он. — Помнишь: «...всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу» (Ин. 16:2).

Однако мир Божий в моем сердце был в этот момент очень реален.

— Ну что ж, я вспомню Христа, сказавшего: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34).

Услышав эти слова, он крепко обнял меня и, держа в объятиях, стал молиться.

— Это счастливый день для меня, Масуд, — сказал он после молитвы.

Мы заговорили о моем крещении. Мистер Месси сказал, что поговорит об этом с пастором, однако я настоял, чтобы мы вместе пошли к пастору немедленно. Мы вместе пошли в церковь и поговорили с мистером Винсентом. Он выразил свою радость по поводу результата моих поисков, и мы решили, что крещение состоится в ближайшее воскресенье. Мистер Винсент предложил, чтобы при моем крещении присутствовало небольшое число христиан, но я настоял, чтобы крещение состоялось по окончании воскресного богослужения. Так и произошло.

Был воскресный вечер 29 апреля 1973 года. Церковь была полна прихожан, когда объявили, что сегодня состоится крещение. Люди стали оглядываться; я встал и прошел к кафедре. Позади меня стоял мистер Месси. Мистер Винсент коротко представил меня. Он не очень распространялся о моем прошлом, но было ясно, что я мусульманин, решивший принять крещение, что само по себе было весьма необычным. Это было последнее крещение, которое мистер Винсент совершил в Карачи. Вскоре после этого он был переведен в Пакистанскую церковь в одном из районов Лондона — Саутхолле, где и служил до самой смерти.

Во время совершения таинства крещения я вспоминал учеников Иисуса, которым было велено:

> «*Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам...*» (Мф. 28:19–29).

Я слышал отдаленный голос мистера Винсента: «Крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа». Еще несколько лет назад эти слова ничего не значили для меня, но в тот день я полностью прочувствовал и осознал слова Писания:

> *«Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни»* (Рим. 6:3–4).

После службы все собрались вокруг меня, чтобы поздравить. Мистер Месси представил меня новым товарищам и ненадолго отошел. Когда почти все разошлись, я тоже вышел из церкви, решив подождать его. В это время я заметил троих молодых людей, которые о чем-то болтали. К ним подошел четвертый, и до меня долетели обрывки разговора:

— Я вас тут давно жду, — начал он, оглядываясь. — В чем дело? Служба кончилась позже?

— Да, дружище, — ответил один из молодых людей. — Сегодня мусла (презрительное прозвище мусульман) стал христианином.

Парень заинтересовался.

— А где он теперь? — спросил он. — Хочу посмотреть на него.

— Мы не были на службе, — ответили ему. — Мы только что пришли и не видели его. Еще встретим когда-нибудь.

Как быстро приходит упадок духа! Когда я услышал, что меня назвали таким ужасным словом, сердце мое сжалось, я готов был бежать прочь. Но тут из-за угла появился мистер Месси. Он поспешил ко мне.

— А, вот и ты, Масуд! — сказал он, улыбаясь. — Давай подойдем, я познакомлю тебя с этими молодыми людьми.

Было ясно, что они хорошо знакомы с мистером Месси. Он представил меня. Они в смущении переминались с ноги на ногу, понимая, что я слышал их разговор.

Возвращаясь домой в тот вечер, я немного боялся расспросов мистера и миссис Куреши, но все было как обычно.

Моя комната, как всегда, была чистой и уютной. Книги, которые я небрежно разбросал на кровати, были поставлены на место. Я задумался, смогу ли и дальше чувствовать себя как дома здесь, где я был так счастлив. Выходя из ванной, я заметил на спинке стула намаз, молитвенный коврик, на котором мусульманин молится, если не может пойти в мечеть. Я вспомнил, как часто я молился, преклоняя колени на этом коврике, и, конечно, вспомнил доброту миссис Куреши, подарившей мне этот коврик год назад. Как часто я молился здесь: «Боже, укажи мне истинный путь».

Решительным жестом я убрал коврик в шкаф. Слава Богу, теперь я был на истинном пути и мог приходить к Богу в любое время, в любом месте и в любых обстоятельствах. Я был свободен!

«А как быть с Кораном?» — подумал я. Взгляд упал на лежащую на столе хорошо знакомую книгу. Тоже убрать в шкаф и забыть? В глубине сердца я знал, что не смогу сделать этого. Эта книга была свидетельством для моих мусульманских друзей. Когда меня спросят о моей вере, я смогу рассказать, как открыл Иисуса Христа на страницах этой книги. Именно на Коран я опирался в моих поисках истины, именно его я буду использовать в моих свидетельствах.

Прежде чем уснуть, я открыл Библию и прочитал от Матфея 10:16–23:

> *«Вот, я посылаю вас, как овец... Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий».*

Я поблагодарил Его за послание, повернулся и уснул как дитя.

13

Продвигаясь вперед

Вскоре семья Куреши заметила, что я перестал посещать мечеть и больше не молюсь дома. Они заподозрили, что я утратил веру, и однажды мистер и миссис Куреши прямо спросили меня об этом. Я не стал отпираться и признался, что стал христианином. Это известие страшно огорчило их. В течение следующих нескольких недель их отношение ко мне полностью изменилось.

К тому времени всем на моей работе стало известно, что я уверовал во Христа. Некоторые из моих коллег полагали, что я попался на удочку иностранных миссионеров, пообещавших дать мне хорошую работу или помочь выехать за границу, если я откажусь от Корана. Однако были и такие, которые проявляли к этому искренний интерес, что давало мне чудесную возможность поделиться тем, что значит для меня Христос.

Однако напряженность нарастала как на работе, так и дома, и, окончательно убедившись в том, что я безоговорочно предался Христу, Куреши объявили, что мне пора покинуть их дом и самому заняться обустройством своей жизни.

Последнюю ночь в их доме я провел в комнате для прислуги. Я чувствовал, что еще одна страница моей жизни подошла к концу. В ту ночь, преклонив колени для молитвы, я сказал моему небесному Отцу: «Отец, если это Твоя воля, чтобы я снова был на улице, я не буду возражать».

Я почувствовал, что Он принял мою молитву, но когда я впервые за четыре года моей жизни в этом доме лег спать на

жестком полу, на меня нахлынули воспоминания. Наконец я уснул и проснулся, когда было уже совсем светло. Нерешительность снова овладела мной. «Масуд, — сказал я себе, — еще есть время. Иди, попроси прощения и останься в этой семье, которая любит тебя. Подумай, что ты теряешь. Подумай о своей работе, о своем будущем...» Но я вспомнил Господа Иисуса, вспомнил, что Он провел сорок дней и ночей в пустыне. Я вспомнил Его ответ сатане: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Я вскочил, торопливо подхватил сумку и вышел из комнаты. У ворот я помедлил и оглянулся на дом, который так долго был мне пристанищем. Выйдя за ворота, я пошел по улице. Больше я не оглядывался.

За годы, прошедшие с тех пор, как я стал христианином, мои родственники, друзья и коллеги не раз обвиняли меня в предательстве своей страны, непослушании родителям и в богохульстве — поклонении трем богам. Это полное непонимание христианской веры и Библии, которую многие мусульмане просто боятся читать, больно ранило мое сердце. Ведь написано очень ясно, что христиане должны быть покорны земным властям (1 Пет. 2:13–14), почитать родителей (Исх. 20:12) и любить Господа Бога своего — единого истинного Бога (Мф. 22:37).

Даже братья-христиане часто относились ко мне с подозрением; одни из-за того, что я не принадлежал к их приходу, другие считали, что я стал христианином из сугубо материальных интересов, третьи принимали меня за правительственного агента, посланного шпионить в церкви!

Везде, куда я приходил, я всегда свидетельствовал о своей любви к Господу Иисусу, что часто стоило мне работы. Снова и снова меня выбрасывали с работы или из квартиры с криком: «Убирайся отсюда, грязный мусорщик, и никогда больше не возвращайся!» Но во всех этих обстоятельствах я сохранял в сердце мир и покой. Я вспоминал, сколько раз бывал гоним Христос.

Дух Божий приносил мне слова, дававшие утешение и силу: «... если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24).

Тревоги, гонения, страдания. Да, конечно, мне пришлось пережить все это. Меня спрашивали: «Неужели тебя удовлетворяет эта бродячая жизнь? Неужели ты хочешь скитаться до конца своих дней? Разве это было целью твоих поисков?»

Нет, целью моих поисков было найти истину, истину, которая освободила бы меня от той пустой жизни, которую хотели передать мне по наследству мои предки. Сам Бог открыл мое сердце и указал истинный путь, путь, который Он избрал прежде сотворения мира, единственный путь, которым человечество может прийти к примирению с Богом, — Иисуса Христа. Он Своей смертью смог победить сатану и освободить всех тех, кто был вынужден проводить свою жизнь в оковах.

Став христианином, я понял, что сам по себе я стою очень мало, однако в то же время знаю, что в глазах Бога моя цена необычайно высока. Вот почему Он говорит мне через Свое Слово:

> *«Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело — одежды? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?»* (Мф. 6:25–26).

Я знаю, что моя жизнь не принадлежит мне. Я добровольно отдал ее Иисусу, и Он знает, что для меня лучше всего. Хотя я и потерял семью, хотя меня притесняли, мой Господь утешает меня:

> *«И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу*

и тело погубить в геенне. Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего. ...не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц» (Мф. 10:28–29, 31).

Во всех жизненных невзгодах, сомнениях и искушениях, в одиночестве, усталости и разочаровании Он приходит на помощь, и я превозношу и славлю Его за это. Как апостол Павел, я могу сказать: меня били, но я не умираю; меня огорчали, но я всегда радуюсь; я нищ, но у меня есть возможность обогащать многих; я ничего не имею, но, как дитя Божие, всем обладаю; я умру, но буду жить вечно. Я могу все почитать ничем в сравнении с познанием моего Господа Иисуса Христа. Он не хочет, чтобы кто-нибудь погиб, но «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2:4). «Ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших» (Евр. 4:7).

Содержание

Выражение признательности 5

1. *Сон* 7
2. *Детство среди ахмадийцев* 9
3. *Я расту* 21
4. *Приближение к Нему* 31
5. *Устремляюсь к истине* 46
6. *Я отстаиваю свою позицию* 60
7. *Побег* 68
8. *На юг* 82
9. *За порогом самоубийства* 99
10. *Библия и Коран* 108
11. *Свет во тьме* 119
12. *К свету Сына* 128
13. *Продвигаясь вперед* 136

К СВЕТУ

Молодой мусульманин в поисках истины

В детстве Стивен хотел быть правоверным мусульманином. Он изучал Коран. Он слушал учителей. Он даже испытывал свою веру, пытаясь ходить по воде!

Но все это не дало ему удовлетворения, и он ступил на долгий и трудный путь к истине — истине любой ценой.

Он рассказывает историю своих поисков истины доступным и простым языком, что делает его книгу привлекательной для всех читателей независимо от возраста и уровня образования.

RU

OM EAST